

БЕННИС **КОНАН**™

КОНАН
И ТОРГОВЦЫ
ГРЕЗАМИ

Северо-Занг®

Олаф Бьорн Локнит
Торговцы грезами
Серия «Авантюристы на
полном скаку», книга 3

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180069
Конан и торговцы грезами: Северо-Запад; СПб.; 1997
ISBN 5-7906-0024-7

Аннотация

Время действия – сразу после романов «Песчаные небеса» и «Берег Проклятых», по дороге из Турана в Заморю. Место действия – тихий провинциальный городок Дэлирам на Дороге Королей, возле границы. Ловим серийного маньяка, попутно пытаемся заработать и разобраться в несколько странной ситуации в городе, связанной с мафиозными заморочками, потерявшимся караваном, а также попадаем в различные неприятности, суть коих кроется в прибывающем грузе серого лотоса и не желающих делиться мафиози. Действующие лица – старые знакомые времен Карелы и ее шайки, тихий супермен Мораддин, «Ишейка» – девушка из племени гулей, работающая агентшей-007 на Немедию, разнообразная местная мафия и прочий винегрет.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	49
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	72
ГЛАВА ПЯТАЯ	96
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Олаф Бьорн Локнит

Торговцы грезами

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Без сомнения, самый раздражающий звук на свете – скрип старых половиц над вашей головой. Особенно, если таковой начался с раннего утра и непрерывно продолжается до самого полудня. Скрипение иногда прерывалось глухим раздраженным ударом по стене, и тогда расставленные на полках оловянные кружки начинали жалобно звенеть в ответ. Били кулаком, или, скорее всего сапогом, подкованным железом. Затем скрип возобновлялся – пять тяжелых шагов в одну сторону и пять обратно.

Барракс, хозяин постоянного двора «Медная подкова», поднял голову и мрачно уставился наверх, на проседающие доски потолка. Если какой-нибудь осел уверен, что быть владельцем гостиницы в захолустном заморийском городке – спокойное и безмятежное занятие, то таковой немногим сообразительнее помянутой длинноухой животины. В тот злощастный день (точнее, вечер), когда в дверь ввалились двое увешанных оружием громил, проезжающих к закату, у Барракса, видно, стряслось временное помрачение ума, раз он согласился сдать им комнату. С тех пор любые дела шли на-

перекосяк.

Почтенный хозяин, немало повидавший на своем веку, с первого взгляда распознал в своих поздних посетителях наемников. Причем наемников при деньгах, стремящихся положить между собой и империей Туран возможно большее расстояние. При таком подозрении не стоило, конечно, пускать их дальше порога... Однако постоянный двор почти пустовал, а золото везде золото. Не выбито же на монетах, при каких обстоятельствах и какими способами их добыли?

Поразмыслив, Барракс здраво рассудил, что темные делишки, наверняка совершенные новыми постояльцами в прошлом, его не касаются, а сейчас поведение внезапных гостей не вызывало нареканий. Тем не менее хозяин «Подковы» искренне побаивался своих новых постояльцев, и не мог решить, которого из них больше.

Конечно, более грозным выглядел темноволосый громила, на физиономии которого варварское происхождение и разбойничьи наклонности читались так же ясно, как буквы на листе лучшего шадизарского пергамента. Его спутник, лысоватый коротышка с прищуренными серьезными глазками и жиденькой бородой, казался на фоне страшного приятеля безобидным чудачком, неведь зачем решившим испробовать полной опасностей жизни наемника. Разговаривал коротышка исключительно вежливо и очень сдержанно, с трудом умудряясь вставлять словечко-другое в кратких перерывах между оглушительными раскатами голоса своего

друга.

У непонятного коротышки, вдобавок, имелась совершенно непредставимая ручная зверюшка, постоянно сопровождавшая его – летучая мышь, покрытая густой белой шерсткой. Обычно мышка тихонько сидела в складках плаща хозяина, но при каждом удобном и неудобном случае высовывалась наружу и пронзительно верещала, расправляя прозрачно-розовые крылья. Неизменно следующий за ее появлением и воплями испуг окружающих очень нравился зверьку. На жутковатой, покрытой причудливыми наростами мордочке появлялось выражение несомненного удовольствия, а красные глазки-бусинки радостно вспыхивали. Затем мышь пряталась до следующего момента, когда ее крохотную головку снова посещала мысль выскочить наружу.

Из увиденного и услышанного хозяин сделал напрочь неверный вывод: главный в странном союзе – варвар. Но зачем он тащит с собой этого недомерка, более всего смахивающего на ушедшего на покой чиновника – совершенно непонятно. Может, подрядился сопровождать до Арэнджуна? Места здесь пускай и глухие, но беспокойные, в одиночку лучше не ездить.

Следующим же утром Барракс убедился, что глубоко заблуждается. Наемники затеяли во дворе разминку, из трех схваток две выиграл тихоня, а наблюдавший хозяин остался при твердом убеждении: на третий раз коротышка просто поддался, чтобы не обижать явно разозлившегося приятеля.

ля... Мышь все это время провисела вниз головой на чахлом лимонном деревце, неизвестно как сохранившемся в вытоптанном дворе, и залиvisto верещала, подбадривая хозяина и до полусмерти пугая пробежавших мимо служанок.

...Происходило это все в крохотном заморийском городке под названием Дэлирам, затерянном у закатных отрогов Кезанкийских гор и славным единственно тем, что рядом пролегла знаменитая Дорога Королей, связывающая страны Востока и Запада. Караваны редко задерживались в городке, торопясь в расположенный неподалеку Арэнджун. Жизнь в Дэлираме текла неторопливо и размеренно, малость оживляясь в базарные дни да еще когда на окраине городка появлялся очередной караван.

Странноватые постояльцы достопочтенного Барракса собирались задержаться в городе на два, от силы три дня, ожидая, пока отдохнут их лошади. Но случилось непредвиденное – на второй же день коротышка встретил старого знакомого. У прислушивавшегося к оживленному разговору хозяина глаза на лоб полезли от удивления: недомерок оказался ушедшим в отставку капитаном личной гвардии государя Илдиза Туранского, и весь вечер оказался посвященным общим воспоминаниям о службе.

Закончилась вечеринка, вопреки ожиданиям хозяина, отнюдь не дружной попойкой. Помрачневший гость, постоянно оглядываясь и понизив голос, поведал о многочисленных бедствиях обрушившихся в последнее, видимо, время на его

голову. Внимательно выслушав, бывший капитан решительно заявил, что немедленно отправляется вместе со своим старым другом в Арэнджун и лично во всем разберется. Варвар собрался было с ними, но коротышка отговорил его, заверив, что вполне обойдется собственными силами и вернется денька через три-четыре. На том они и сошлись, а рано утром отставной гвардеец и его сослуживец ускакали.

Тут-то Барракс с ужасом убедился в двух вещах: во-первых, уехавший коротышка был единственным человеком, способным удержать северного дикаря от необдуманных поступков; и во-вторых, пугающие слухи о пьяных загулах наемников имели под собой веское основание. Постоялый двор уцелел только благодаря чистой случайности или заступничеству какого-нибудь сочувствующего бедам простых трактирщиков бога.

По отъезде приятеля варвар немедленно упился в стельку, затеял драку с битьем посуды и подвернувшихся голов, расколотил в мелкую щепку стол, коим, будто тараном, пытался высадить дверь в гостиницу, и, наконец, пошатываясь, покинул изрядно потрепанное заведение. Ночь, к искренней радости хозяина, он пропадал неведомо где. Утром объявился – с жуткой головной болью и заметно облегченными карманами. Следующий вечер выдался куда хуже – в «Подкову» заглянули мающиеся от скуки и безделья немедийцы.

Немедийский полк, размещенный в старых казармах на окраине города, стоял в городе уже третий или четвертый

месяц. Считалось, будто полк оказывает помощь местному гарнизону в охране границы с Тураном и Дороги Королей. На деле же доблестные воины короля Нимеда занимались тем, что устраивали стычки с местной солдатней, напропалую пьянствовали, сутками не вылезая из двух имевшихся в городе веселых домов, и лишь изредка, больше от скуки а не для порядка, гонялись за окончательно обнаглевшими от безнаказанности контрабандистами.

Командир полка, похоже, махнул рукой на всех и вся, и его подчиненные окончательно распустились. Последней их выходкой, переполнившей чашу терпения мэра Дэлирама, был налет на караван, направлявшийся через горы в Аграпур. При караване оказалась знающая свое дело охрана, набранная из туранцев, и нападавшим сильно не поздоровилось. После этого немедийцы несколько утихомирились, ограничиваясь редкими потасовками в городе.

Десяток солдат во главе с капитаном, уже успевшие изрядно поднабраться и забредшие на огонек постоялого двора в поисках какого-нибудь развлечения, быстро нашли общий язык с поселившимся там варваром. К полуночи, после второго бочонка местного кисловатого вина, вся компания уже считала северянина своим лучшим приятелем и вразной жаловалась на горькую судьбу солдат короля, заброшенных дурацким приказом в эту мерзкую дыру, по чистому недоразумению именуемую городом.

Барракс понадеялся, что закончится все только обычной

попойкой, а его почтенные посетители, как уже бывало не раз, мирно улягутся спать на полу. Однако напоследок немедийцы решили метнуть запасливо прихваченные кем-то кости. Одного раза увлекшимся игрокам показалось явно недостаточно, и желтоватые резные кубики застучали по грязной столешнице, как крупный град по крышам. Игра продолжилась до середины ночи, ставки росли и падали, кто-то выигрывал, его партнер, соответственно, проигрывал, и этим проигравшим чаще всего оказывался варвар.

Не везло бедняге по страшному. Говорят, именно так покровитель игроков Бел наказывает неугодных ему. Когда затянувшаяся игра, наконец, закончилась, после долгого подсчета выяснилось: северянин лишился не только немногих имевшихся у него денег и лошади, но и остался должен большинству из присутствующих. После некоторого колебания северянин поднялся наверх, в занимаемую им комнату, и вернулся с небольшим кожаным мешочком. Из мешочка на свет появились пять золотых импералов султанапурской чеканки и несколько блестящих, хорошо ограненных камешков. После вдумчивого осмотра камешки были признаны драгоценными и приблизительно оценены, но для покрытия долга их все одно не хватило.

Назревала крупная ссора. Половина участников игры еле держалась на ногах, но остальные были настроены весьма воинственно, и считали, что хорошая драка – лучшее завершение доброго вечера. Варвар, похоже, придерживался того же

мнения, и Барракс уже приготовился к подсчету неминуемых убытков, мысленно проклиная себя и тот несчастливый день, когда согласился поселить в своей гостинице этого головореза.

Однако никаких разрушений и убытков, помимо уже имевшихся, «Медной подкове» причинено не было. Капитан немедийцев милостиво согласился отсрочить возвращение долга на пару дней. После чего brave гвардейцы, подобрав своих товарищей, бывших не в состоянии передвигаться самостоятельно, отбыли по месту расположения полка, в казармы.

Северный наемник, нимало не удрученный свалившейся на него задачей – как можно скорее раздобыть довольно большое количество золота – завалился спать. Однако, вопреки ожиданиям хозяина, проснулся он не далеко за полдень, а рано утром, и с того времени безостановочно ходил из угла в угол своей комнаты. Пять шагов туда, поворот, иногда сопровождаемый ударом кулака в стену, пять шагов обратно, и все повторялось сначала.

Барракс же ломал голову над заковыристым вопросом: как бы повежливее сообщить страшному дикарю, что он и его приятель оплатили комнату на три дня вперед, а ныне пошел уже четвертый. Его тягостные размышления прервал нарастающий грохот, раздавшийся на хлипкой лестнице, ведущей на второй этаж гостиницы. Всякий раз, когда северный дикарь спускался вниз, хозяин с содроганием ждал ужасающе-

го хруста и треска ломающихся ступенек. Постоялый двор не был рассчитан на проживание личностей, что каждый раз задевают головой дверную притолоку, любые входы открывают исключительно ногами, и сами по себе являются ходячим стихийным бедствием. Скорее бы вернулся так некстати уехавший коротышка и забрал своего неистового приятеля.

Многострадальная лестница выдержала и на этот раз. Мрачный варвар прошел через пустующий общий зал гостиницы, буркнув на ходу что-то невразумительное, очевидно означавшее приветствие. Дверь он, не изменив своей привычке, открыл пинком, едва не сорвав створку с держащихся лишь милостью Митры погнутых петель.

«Чтоб ты по пьяному безобразию на собственный меч напоролся!» – от души пожелал ему вслед Барракс. Вера в это счастливое событие была более чем призрачной, но вдруг...

* * *

«Гадкое положение все-таки, – угрюмый постоялец „Медной подковы“ в самом отвратительном настроении шагал по улочкам городка, не замечая, что редкие прохожие, завидев его, стремятся как можно скорее перейти на другую сторону улицы и боязливо оглядываются. – И Мораддин, скотина такая, гном недоделанный, уехал...»

Сравнение отбившего компаньона с гномом основывалось вовсе не на маленьком росте. Мораддин, сын Гроина, бывший капитан тайной царской гвардии в Аграпуре, действительно происходил от брака подземного жителя с женщиной из рода людей. К числу несомненных достоинств Мораддина относилось умение безупречно владеть любым видом холодного оружия, а также способность спокойно встречать всевозможные повороты и выкрутасы судьбы. Так он воспринял и известие о своей опале и переводе из туранской столицы на унижительную должность старшего надсмотрщика в позабытых всеми медных рудниках Кезанкии.

...Однажды в копиях появился новый каторжник – выходец из далекой северной страны Киммерии по имени Конан. Неизменно следующие за ним неприятности и вихрь непредсказуемых событий заставили смирившегося было со своим положением Мораддина покинуть давно надоевшие рудники и оказаться в центре событий, связанных с поисками магического кувшина из белого золота гномской работы.

За несколько дней лихая парочка искателей приключений умудрилась поставить с ног на голову весь Султанапур, причинила множество бедствий и тревог туранским властям, а напоследок оказалась невольными виновниками поджога лучшего в городе дома терпимости.

После чего оба приятеля разумно сочли, что чем большее расстояние окажется между ними и побережьем моря Вилайет, тем будет лучше для них самих, для города, да и всей

Туранской империи. После перехода через пустыню и расправы с посланной из Султанапура погоней, а также некоторой задержки в Кезанкийских горах, вызванной поисками подходящего перевала и неожиданной находкой заброшенного города, двое путников спустились в тихий, ничем не примечательный поселок у подножья гор.

Конан поначалу вовсе не собирался задерживаться в этом пыльном сонном городишке. В его намерения входило как можно скорее добраться до Шадизара или, на худой конец, до Арэнджуна. И там, и там должны еще остаться знакомые, помнящие его по дням веселой воровской молодости и кварталу Меол, своеобразному городу в городе, обителицу многочисленного «Ночного братства». Но, как говорится, человек предполагает, судьба располагает, а боги смотрят да посмеиваются. Выяснилось, что оба коня – гирканский жеребец варвара и низкорослая кобылка Мораддина – загнаны почти до полусмерти. Конан самоуверенно предложил бросить их и купить новых, благо и у него, и у бывшего капитана гвардии звенели в кошельках полновесные султанапурские империалы. Однако в здешней дыре не торговали лошадьми, а те, которых можно было достать, совершенно не подходили для уважающих себя наемников.

Оставалось ждать, пока кони отдохнут и окажутся в состоянии продолжить путь. Первый же день пребывания в городке (как выяснил любознательный Мораддин, носившем наименование Дэлирам) ознаменовался встречей полутнома с

бывшим сослуживцем, оставившим гвардию пятью или шестью годами ранее и поселившемся с семейством в Аренджуне. Конан с искренним интересом послушал захватывающие истории о службе при дворе владыки Илдиза, еще раз убедившись, что Мораддин некогда пользовался там большим влиянием и авторитетом.

Затем бывший гвардеец перешел на описание своего нынешнего бедственного положения, и киммериец потихоньку заскучал. История была знакома насквозь, аренджунские нравы ничуть не изменились, и неписаный закон «Кто сильнее – тот и прав» продолжал действовать вовсю. Наравне с утверждением: «Если вы еще не платите за воздух, которым дышите, то мы исправим это маленькое досадное недоразумение». В Аренджуне все грабили всех, и выжить мог далеко не каждый.

Знакомец Мораддина оказался как раз из числа тех, что пытались противостоять этим порядкам, и Конан без труда сообразил, что полугном по окончании рассказа немедленно ринется наводить справедливость. Что ж, если есть охота сразиться с целым городом и полугном не дорожит своей головой, то дело его. Северянин для порядка предложил поехать вместе, но отставной капитан наотрез отказался, заявив, что работа пустяковая и займет не более четырех-пяти дней, не считая дороги туда и обратно.

Мораддин вместе с приятелем отбыли, провожаемые насмешливо-сочувственными напутствиями варвара, глубоко

убежденного в бесславном конце их затеи. Конан остался в городишке, предвкушая полный набор нехитрых удовольствий, которые можно получить за деньги.

К сожалению, уже в первый вечер его постигло полное разочарование. Местное вино отдавало кислятиной и плесенью. Девушки в обеих веселых домах – и том, что похуже, расположенном на окраине, и том, что получше, в центре города – оказались таковы, что в Султанапуре их не взяли бы даже в низшую гильдию уличных шлюх, а подруга Конана Стейна – хозяйка лучшего в Султанапуре публичного дома – на порог вовсе бы не пустила, чтобы богатые гости не напугались и не растеряли свои мужские способности. Подраться было совершенно не с кем. Оставалось только взобраться на отдохнувшего коня и галопом скакать в Арэнджун, ибо вторым выходом было – сдохнуть от скуки.

Если бы не заявившиеся на постоялый двор немедийцы, Конан так бы и поступил – с рассветом следующего дня уехал из городишки, где, казалось, даже у мух отросли длиннющие бороды. Уехал бы догонять Мораддина. Появление не знающих, чем бы заняться вояк спасло варвара от тоскливого вечера, но взамен лишило всех оставшихся денег и лошади.

Киммериец прекрасно знал о власти, что имели над ним простые кусочки изжелта-белой слоновой кости, обточенные в виде кубиков, с нанесенными на их грани черными точками и рисунками. Начав играть, Конан уже не мог остановиться, пока не выигрывал или не проигрывал все. Послед-

нее по каким-то неведомым причинам случалось гораздо чаще, нежели первое. Нынешняя игра не стала исключением. Слабая надежда на удачу и возможность отыграться таяла вместе с сухим стуком разлетающихся по заплыванной столешнице костей.

Он проиграл золото, полученное от шейха оазиса Баргэми в уплату за возвращение похищенной сестры правителя маленькой крепости, затерянной на границе Туранской пустыни и гор. Потом – империалы, заработанные в Султанапуре, затем на кону оказался гнедой гирканский скакун... Больше ставить было нечего, наступала неизбежная пора одуматься и остановиться, однако сделать это никак не удавалось. Конан, нарушив собственное более-менее соблюдаемое правило: «не играть в долг», предложил бросить кости заново. А затем еще, и еще...

Остановил игру, грозившую перейти в бесконечное разорение, капитан немедийцев, сохранивший некоторую ясность мысли. После подсчета долгов северянин, мысленно ужаснувшись и оттого немного протрезвев, отправился наверх, заверив своих партнеров, что часть денег хранится у него в комнате. Денег там, разумеется, не нашлось, пусть он даже перерыл всю нехитрую поклажу, разбросанную по полу. Зато имелись золотые монеты и самоцветы, принадлежавшие Мораддину. Ими-то Конан и расплатился, пообещав, что остальное вернет чуть позже. Кажется, ему не слишком поверили, но согласились обождать...

«Ну, и что теперь? – Конан, шедший куда глаза глядят, немного замедлил шаг и огляделся. Занесло его на окраины городка, где были в беспорядке раскиданы загородные домики местной знати, окруженные чахлыми, высохшими садами. – Где достать денег? А самое главное – что я скажу Моррадину, когда он вернется?»

Киммериец попытался представить грядущее объяснение: «Понимаешь, я тут... Ну, так получилось... В общем, я твое золото проиграл. Вместе с камешками. И свое тоже. Да, лошадь тоже проиграл...»

Интересно будет поглядеть на выражение лица полугнома. Нет, сдержанный Моррадин наверняка не опустится до криков и проклятий в адрес некоторых тупоголовых варваров. Он просто со свойственным ему блеском тут же прикончит незадачливого приятеля, ненароком перепутавшего свой карман с чужим. Остается надеяться, что в память о пережитых вместе испытаниях и из человеколюбия он сделает это быстро. С другой стороны, Моррадин может устроить Конану такую взбучку, что самому жить не захочется, и воьет правило: «Не играй на деньги своих друзей без их разрешения!» в голову вместе с зубами. Требуется немедленно что-то придумать и предпринять. Моррадин должен получить свои (или равноценные) камни обратно, все прочие дела могут обождать, а шлюхи и продавцы вина убираться к демонам.

Соображалось плохо. Хотелось есть, а еще больше – пить.

Над безлюдными улочками дрожало жаркое марево, город погружался в ежедневную духоту и полусонную дремоту. Конан бросил взгляд по сторонам, выискивая хоть какой-нибудь клочок тени, и выругал себя за то, что отправился шататься по здешней гиблой дыре в самое неподходящее для прогулок послеполуденное время.

Он свернул с мощеной давно выкрошившимся булыжником улицы в чей-то сад, запущенный и наглухо заросший бурьяном, перешагнув через низкую каменную ограду. Несколько оливковых деревьев, выживших наперекор всему, окружали в центре сада потрескавшуюся и покрытую ярко-зеленым мохнатым мхом чашу старого фонтана из красноватого песчаника. Фонтан, как ни странно, действовал и по сей час, через волнистые края стекали тонкие струйки холодной воды, с плеском разбиваясь об лежавшие внизу щербатые плиты и разбегаясь по высохшей земле.

Вволю напившись и сунув нещадно гудевшую от жары и вчерашней выпивки голову под воду, киммериец почувствовал себя гораздо лучше. Настолько, что решил узнать, кому принадлежит приютивший его сад.

За пыльными, ломкими от здешнего жгучего солнца зарослями открылась задняя часть небольшого двухэтажного дома, сложенного из розоватого камня, и жмущиеся к ней хозяйственные пристройки. Домик, в отличие от сада, выглядел ухоженным и обитаемым: за распахнутыми настежь окнами колыхались тяжелые шторы, доносились приглушен-

ные голоса беседующих людей. В сарае неожиданно низко и протяжно замычала корова. Похоже, розовый дом был загородной усадьбой процветающего купца или дворянина.

Внезапно вспыхнувшее любопытство было полностью удовлетворено, однако Конан не торопился уходить. Он внимательно и оценивающе осмотрел дом, точно прикидывал, в какую цену тот может обойтись и не потребуется ли в ближайшее время ремонта. Усадьба находилась в отдалении от прочих строений, на расположенных на высоте человеческого роста окнах не имелось ни ставень, ни решеток, поблизости не маячили злобные сторожевые псы. Домик висел, как созревшее яблоко на ветке, и, казалось, только и ждал, кто первым его сорвет.

«Кажется, сорву его я», – вполголоса пробормотал ким-мериец, невольно хмыкнув. Ему припомнились давние деньки в Шадизаре, когда все его достояние, так же как сегодня, составляли меч да горстка медных монет, а завтрашний день полностью зависел от удачно совершенной кражи. Маленькая тихая усадьба в предместье городка Дэлирама была обречена на ночной визит не слишком желанного и званого гостя.

* * *

Отведенная Конану с Мораддином комната, вопреки заверениям хозяина постоялого двора, являлась отнюдь не самой лучшей. Днем в ней не составляло труда задохнуться, а ночью – замерзнуть. Рама с тусклыми маленькими стеклами, первоначально вставленная в оконный проем, теперь валялась где-то под стеной. Новые постояльцы совместными усилиями выбили ее, пытаясь хоть немного проветрить помещение.

Еще в комнатухе, больше напоминавшей слегка улучшенную и благоустроенную клетку для диких животных, находилась пара шатающихся колченогих табуретов и две небрежно сколоченные низкие кровати. Конан уже успел сломать одну из них, рухнув на нее всей тяжестью, чем вызвал тихий смешок у Мораддина. Теперь варвар спал на полу, считая, что у половиц шансов провалиться несколько меньше.

Имелось у комнаты и одно неоспоримое достоинство – ее единственное окно выходило на задний двор «Медной подковы». Когда-то хозяин собирался развести там огород для собственных надобностей, но грядки крайне быстро заросли сорняками и огромными лопухами. На задворки выкидывали отслужившие свое поломанные вещи, днем там бродили грязно-белые лупоглазые козы, но главное состояло в другом. Через дворик можно было попасть на одну из главных улиц городка, минуя неизбежный проход через внутренние помещения гостиницы. Безусловная выгода для челове-

ка, собирающегося потихоньку отправиться на ночную прогулку, а затем желающего незаметно вернуться.

«А что бы сказал Мораддин, увидев, какие дела творятся в его отсутствие? – Конан не спеша шел по тихим темным улочкам, убеждаясь, что о такой роскоши, как ночная стража, в Дэлираме не имеют ни малейшего представления. – С другой стороны, как он узнает? Ежели получится выкупить камешки, то у него даже подозрения не возникнет, что его собственность куда-то отлучалась. А не получится? Ладно, придумаем что другое...»

При всем уважении к бойцовским качествам Мораддина, киммериец не понимал его болезненной честности и прямоты, считая их досадным наследством папаши-гнома. Ну скажите, как можно прожить в этом паршивом мире, никогда не кривя душой, не присваивая чужого и не нарушая данного слова? Да тебя быстренько собьют с ног, затопчут и разорвут на мелкие кусочки, причем твои же лучшие друзья-приятели. Какой-нибудь святой отшельник может позволить себе изрекать всегда только правду и жить, не имея за душой ничего, но прочие-то люди не отшельники! Им и выпить хочется, и закусить, и...

«В кости перекинуться, – мрачно завершил мысль Конан, вспомнив, что привело его к необходимости полуночной прогулки в предместья. – Никогда, слышишь, никогда больше! Либо играть, либо пить, иначе рано или поздно доиграешься до того, что будешь собственной башкой распла-

чиваться. А она мне пока очень дорога...»

Подобные клятвенные обещания давались уже не раз и даже не два, но никогда не выполнялись. Еще одно подтверждение той невеселой мысли, что можно справиться с любым противником (или почти с любым), кроме себя самого.

Одинокая усадьба вырисовывалась в безлунной ночи темным причудливым силуэтом. Во дворах соседних домов изредка лениво гавкали выпущенные собаки, но облюбованный киммерийцем домик хранил полное молчание. Конан подошел к нему также, как и днем – со стороны запущенного сада. Часть окон беспечные хозяева все же закрыли, но два стояли по-прежнему распахнутыми.

«Какие-то идиоты здесь живут, – подумал северянин, подтягиваясь и осторожно перелезая через подоконник. – Окна без решеток, собак нет... Они бы еще на дверях объявление вывесили – „Заходите и берите все, что пожелаете.“ Хотя стойте, а вдруг у них ночью кобры по дому ползают? Или еще какое паскудство?»

Мысль была исключительно здравая, но немного запоздалая. Раз уж забрался в дом, то не уходить же с пустыми руками.

Ночь выдалась темной, но не настолько, чтобы абсолютно ничего не разглядеть. Конан, похоже, забрался в нежилую комнату – гостиную или, скорее, в обеденный зал. Посредине виднелся большой круглый стол на изогнутых ножках, вдоль стен – сундуки и пузатые шкафы. На одной из стен

располагалось черное квадратное пятно, наверное, ковер с почти неразличимым в полумраке рисунком.

«Где они могут хранить золото? – рассуждая, киммериец быстро передвигался от одного предмета обстановки к другому, проверяя, заперты они или нет, и не лежит ли там что-нибудь полезного. – Здесь наверняка можно наткнуться на всяческую дребедень, вроде колечек и цепочек, но куда можно спрятать монеты? Надо пошарить по соседним комнатам...»

Тихий скребущий звук заставил его настороженно замереть и медленно обвести помещение взглядом. Шорох раздался совсем неподалеку, однако это было не шлепанье ног человека по полу и не звяканье ключа в замке. Скорее, еле слышный шелест напоминал шуршание ворочающегося в соломе зверя. Теперь Конан точно определил, откуда он идет – от черного настенного ковра. Может, там спрятана дверь?

Варвар беззвучно пересек комнату и приблизился к подзрительному ковру, умеющему издавать звуки. Оказавшись рядом, северянин внезапно понял – никакой это не ковер, а выдолбленная в стене ниша, забранная толстой и частой железной решеткой. В нише шевелилось какое-то живое существо, источник тех самых неясных шорохов.

«Ну как у них там леопард или медведь? – Конан тщетно пытался разглядеть во мраке клетки ее обитателя. – А если что еще похуже?»

Из темноты рывком появился смутный белый овал лица.

Затем сквозь решетку просунулись длинные тонкие пальцы, крепко обхватив толстые прутья.

«Кром, да там человека заперли! – изумленно сообразил киммериец. – Ну и домик!»

Неизвестный за решеткой молчал, слышалось только его прерывистое дыхание. Стиснувшие железо пальцы чуть подрагивали, и северянин подумал, что пленник – подросток... или женщина.

– Эй, – шепотом окликнул Конан. – Ты кто?

Ответили тоже шепотом. Голос у пленника был чуть слышный и надтреснутый, точно человек навсегда сорвал его в отчаянном крике:

– Выпусти меня... Пожалуйста...

ГЛАВА ВТОРАЯ

– А как я тебя оттуда вытащу-то? – озадаченно пробормотал Конан. Варвару, конечно, не составило бы особого труда сбить массивный навесной замок, запиравший клетку, однако такие действия означали грохот и неизбежное явление хозяев дома. Киммерийцу вовсе не хотелось отвечать на вопросы о том, кто он такой и что здесь делает. Может, попробовать разогнуть прутья? Не оставлять же этого несчастного мучиться дальше... Интересно, за что его посадили за решетку?

– Ключ, – отчетливо выговорил человек в клетке, догадавшись о возникших затруднениях. – Слева от тебя. На стене.

Длинный бронзовый ключ с резной ручкой действительно висел на вбитом в стену медном гвозде. Повесили его с расчетом – пленник хорошо видел вещь, открывающую путь к свободе, но дотянуться до нее совершенно не мог.

Замок, к счастью, оказался хорошо смазанным, и после двух поворотов ключа в скважине тихо щелкнул. Маленькая дверца с едва слышным скрипом отошла в сторону и человек на четвереньках выбрался наружу. Похоже, внутри клетки было настолько мало места, что ее обитателю приходилось постоянно сидеть, согнувшись в три погибели. Теперь он мучительно пытался выпрямиться, цепляясь за стену и тихонько постанывая.

«Да провалиться мне на месте, это женщина!»

Человек наконец встал во весь рост и замотал головой, пытаясь отбросить назад лохматые пряди длинных волос. Конан не ошибся – это действительно была женщина, маленькая сгорбленная женщина с тихим хриплым голосом. Киммериец даже не сразу понял, что она спрашивает.

– Повтори, – попросил Конан.

– Тебе нужно золото? – спросила незнакомка, пошатываясь и не отрывая рук от решетки, за которую крепко держалась. – Я знаю, где оно хранится, только выведи меня отсюда. Вон там, на стене, видишь?

– Ну, тарелка, – в стороне, куда указывала женщина, было укреплено большое серебряное блюдо, покрытое чеканкой.

– Сними его. Там крючок, надо резко потянуть на себя и отпустить.

Продолжая ломать голову над тем, какой подарочек преподнесла ему судьба на сей раз, киммериец выполнил указания загадочной обитательницы клетки. В казавшейся цельной каменной стене открылась дверца, скрывавшая за собой маленький тайник, плотно набитый мешочками из мягкой кожи. Вспомнив про захваченный с собой вместительный мешок и похвалив себя за предусмотрительность, северянин быстрыми движениями переместил туда содержимое тайника. Несколько мешочков он, впрочем, оставил – хозяевам на бедность.

– Все, пошли, – Конан захлопнул дверцу, повесил блюдо

на место и огляделся. Женщина сумела перебраться к распахнутому окну, перевесилась через край рамы, но тут же отпрянула назад.

– Высоко... – еле слышно сказала она. – Мне не спрыгнуть.

– Ерунда. Держи крепко, – Конан сунул ей тяжелый мешок, одним мягким прыжком выскочил из окна и приземлился на потрескавшуюся землю двора. – Теперь кидай и прыгай сама.

Женщина послушно бросила вниз мешок, затем медленно и осторожно уселась на окно, свесив ноги наружу. Поколебалась и неловко прыгнула. Конан поймал ее на лету.

– Слушай, что они с тобой делали? – озадаченно спросил киммериец, поставив дополнение к своей добыче на землю. – Голодом морили?

Она робко кивнула, а северянин пообещал себе, что непременно разузнает, кто владелец дома, подстережет ублюдка где-нибудь на темной улочке и подробно растолкует, как надо обращаться с женщинами, пусть даже и рабынями. А ежели после объяснения хозяин тихого домика случайно отправится на Серые Равнины, то туда ему и дорога. У незнакомки все кости торчали наружу, будто у ожившего скелета.

Женщина, ни о чем не спрашивая, шла рядом с Конаном. Ее слегка пошатывало, однако она стойко молчала, не прося о помощи. Похоже, ей очень хотелось убраться подальше от

зловещего места, где ее, словно дикое животное, держали в клетке.

Сил у неизвестной хватило ненадолго. Примерно на полпути до постоянного двора она резко качнулась в сторону, начала задыхаться и, точно подломившись в коленях, упала на пыльную мостовую.

– Эй, ты что? – киммериец наклонился над ней, пытаясь определить, жива она или нет. Женщина дышала, но в сознание не приходила. – А пожалуй, так оно и лучше...

Остаток пути варвар проделал бегом, с бесчувственно обвисшим телом незнакомки на руках. Уже войдя в известный двор позади «Подковы», он сообразил, что не сможет забраться в свое окно, находящееся на втором этаже, одновременно удерживая женщину. Пришлось усадить спасенную возле стены – она тут же завалилась набок – и отправляться искать лестницу.

Столь необходимый предмет домашнего хозяйства, примеченный на всякий случай еще утром, по-прежнему валялся у покосившегося забора и был немедленно позаимствован. Приставив лестницу к стене и убедившись, что верхние перекладины как раз достают до окна, Конан снова поднял женщину, больше похожую на мешок с костями, и вскарабкался по прогибающимся ступенькам наверх.

«Интересно, сколько ей лет – сто или двести? Что ж такого могла натворить бедная старушка? Да, и как мне завтра растолковать хозяину, кто она такая и откуда взялась? И что

с ней делать? Отдать половину золота и сказать – ступай на все четыре стороны?»

С этими мыслями киммериец уложил незнакомку на бывшую кровать Мораддина. Дышала она вроде спокойно, и, казалось, крепко заснула. Ладно, проспится – сообразим, что к чему.

Конан не стал пересчитывать количество денег в мешочках, решив, что это приятное занятие тоже может потерпеть до грядущего утра. Свернул мешок, обмотал подвернувшейся под руку тряпкой, пристроил получившийся сверток у себя под головой и решил, что на сегодня с него хватит.

Варвар ошибся. Женщина неожиданно зашевелилась и поднялась на ноги. Конан почти не видел ее в темноте комнаты, однако слышал приглушенное дыхание, затем скрип половиц, и догадался, что она бродит по комнате, стараясь не шуметь. Спасенная встала совсем рядом, наклонилась, чутко прислушиваясь – спит Конан или нет. Решив, что спит, решительно подошла к окну, став на миг четким черным силуэтом, и с трудом вылезла наружу.

«Чего это ей там вдруг понадобилось? – от удивления киммериец сел, озадаченно глядя на темный проем окна. – Не назад же побежала! В конце концов, может человеку приспичить... Только вот что непонятно – то она в обморок падает, а то скачет, ровно козочка...»

Он улегся обратно и уже почти задремал, когда снаружи раздалось осторожное поскрипывание. Затем в окне мельк-

нули две руки, цепко ухватившиеся за края, между ними появилась взлохмаченная голова и незнакомка с неожиданной легкостью впрыгнула в комнату. Постояла, прислушиваясь, на цыпочках прошла по скрипучим доскам и улеглась на место. Вскоре до засыпающего варвара донеслось ровное спокойное посапывание.

* * *

Вопреки сложившейся привычке, Конан проснулся довольно поздно. Судя по ярко-золотистому квадрату солнечного света на давно немытом полу комнаты, было уже далеко за полдень.

Драгоценный мешок за ночь никуда не делся. Незнакомка с привычкой разгуливать неизвестно где – тоже. Грязная тряпка, выполнявшая роль полога при кровати, теперь была задернута, но складки ткани колебались, выдавая присутствие человека.

– Доброе утро, – негромко сказали из-за полога. За ночь надрывные нотки в интонациях голоса женщины куда-то пропали, и звучащий теперь голосок оказался довольно приятным и мелодичным, явно не принадлежащим старухе.

– Привет, – отозвался киммериец, садясь. – Ты как?

– Почти хорошо, – сразу отозвалась женщина. Помолчала

и неуверенно добавила: – Ты... Ты не мог бы для меня кое-что сделать?

«Вот они, неизбежные последствия любого необдуманного поступка! Всегда не любил благотворительность, – хмыкнув, подумал варвар. – Ну, и чего именно ей сейчас захочется?»

– Что сделать? – с интересом спросил он.

– Я очень есть хочу, – смущенно призналась женщина за занавеской. – И... И переодеться.

– А больше тебе ничего не надо? – на всякий случай уточнил Конан. Обе просьбы выглядели вполне понятными и выполнимыми.

– Большой бассейн с горячей водой, залезть в него и целый день не вылезать, – донеслось в ответ. После некоторого раздумья незнакомка тяжело вздохнула и с нескрываемым сожалением признала: – Только вряд ли это осуществимо.

– Бассейна не обещаю, все остальное будет.

Похоже, новая знакомая киммерийца принадлежала к числу тех редко встречающихся женщин, что умудряются не падать духом в любых переделках...

Оставалось еще решить, как поступить с набитым золотом мешком. Таскать его с собой? Слишком тяжелый и бросается в глаза. Оставить здесь? А вдруг незнакомке опять придет в голову мысль пойти прогуляться, а заодно прихватить с собой украденное золото? Или ее невовремя совесть замучает? Но она должна прекрасно понимать, что стоит ей высунуться

на улицу, как любой прохожий заподозрит неладное и далеко она не уйдет. К тому же ее бывший хозяин наверняка принял меры по срочному отысканию своей беглой собственности. Если она сообразительная женщина, то быстро догадается – самое безопасное убежище для нее сейчас здесь, в крохотной комнатухе на захудалом постоялом дворе.

Мешок, тщательно прикрытый тряпками, остался лежать на прежнем месте. Конан лишь прихватил с собой несколько первых подвернувшихся под руку монет. Почему-то все они оказались немедийской чеканки. Впрочем, происхождение денег не имело особого значения – хозяева постоялых дворов в любой стране не имели ничего против золота или серебра, привезенного от соседей. Лишь бы не фальшивые, а что там на них выбито, аквилонские львы, немедийские орлы или змеи Стигии – не суть важно.

Спускаясь по скрипучей и шатающейся лестнице в нижний зал, киммериец задумался над неожиданно возникшим и вроде очень простым вопросом: а где, собственно, он собирается достать одежду для своей спутницы? Не самому же в лавку идти, да и кто знает, что именно ей нужно?..

– Привет, красавчик!

Веселый голосок долетел сверху, и северянин моментально узнал, кому он принадлежал. Одной из трех служанок в «Подкове», разбитной толстушке, которую иначе как Киской Ви, никто не называл. С того дня, как двое наемников поселились в гостинице, Киска напропалую строила им глазки

(чем неизменно вгоняла в краску Мораддина), а каждый вечер оказывалась в подозрительной близости от их комнаты. При этом на ее обычно жизнерадостной мордашке появлялось холодное выражение целомудренной добродетели, чему никто, впрочем, не верил. Трактирная служанка и неприступность были понятиями столь же несовместимыми, как огонь и вода. Пока все старания Киски пропадали даром, но надежды местная гроза мужских сердец явно не теряла.

– Привет, привет, – отозвался Конан, подумав, что обстоятельства, как всегда, складываются в его пользу. – Эй, моя радость, хочешь получить вот такую красивую штучку?

Золотая монетка блеснула едва ли не ярче загоревшихся глазок Киски.

– А как же! – Ви мгновенно сбежала вниз по лестнице («Интересно, почему ступеньки под ней почти не скрипят?» – подумал вдруг варвар) и преданным взглядом уставилась на заманчиво сияющий кругляшок. – Что угодно господину?

– Иди сюда, – киммериец легонько подтолкнул ее в закуток возле лестницы и Киска немедленно игриво захихикала. – погоди ты смеяться! У меня в комнате женщина...

– У-у, – разочарованно протянула Ви, но тут же оживилась, ехидно поинтересовавшись: – И что она там делает?

– Не твое дело, моя прелесть. Поднимись наверх, спроси у этой женщины, что ей нужно, и раздобудь все, что она попросит. Держи, это тебе за труды.

Киска Ви крепко зажала полученную монетку в ладони, и,

не удержавшись от приступа любопытства, осторожно спросила:

– А она кто?

– Моя сестренка, – отрезал северянин. – Так что будь с ней повежливее.

– Понятно, – вздохнула Ви и резво побежала наверх, так старательно виляя обширным задом, что было удивительно, как она держится на ногах и не падает.

Конан неторопливо позавтракал, прислушиваясь к разговорам немногочисленных постояльцев «Медной подковы» и горожан, заглянувших пропустить с утра кружечку-другую. В маленьких городах сплетни распространяются едва ли не быстрее случившегося события, однако никто не проронил ни слова про совершенное нынешней ночью ограбление в предместье. То ли подобное было привычным делом, не стоящим обсуждения, то ли о нем еще не стало известно властям и простым обывателям.

Почтенный Барракс, донельзя изумленный приличным поведением варвара, с опаской ожидал, не окажется ли эта внезапная тишина затишьем перед бурей. Однако на хозяина постоялого двора нынче свалились другие заботы, и ему было не до непредсказуемого постояльца. До киммерийца, убедившегося, что о его ночных проделках в разговорах горожан не проскочило и словечка, долетел жалобно-возмущенный голос Барракса, оживленно делившимся описанием своих бедствий с кем-то из приятелей. Оказалось, что ночью,

некие, полностью лишённые соображения и совести недоумки, забрались на скотный двор «Подковы» и с неведомой целью прикончили лучшую из обитавших там телок. Перерезав несчастной животине горло, злоумышленники скрылись в неизвестном направлении.

«Действительно, напрочь идиотский поступок, – мысленно согласился Конан. – Если бы корову украли – тогда понятно, но зарезать просто так? Зачем? Может, кому-то захотелось сделать небольшую пакость нашему почтенному хозяину? Глупая выходка...»

С мысли о свалившемся на Барракса несчастье киммериец перескочил на подозрение, что неведомые ночные гости могли заметить его самого, влезаящего вместе с незнакомкой в окно. Это обстоятельство наводило на нехорошие размышления... особенно если вспомнить о лестнице на заднем дворе, так и оставшейся, по недосмотру, стоять прислоненной к стене. Задний двор – не слишком посещаемое место, однако будет лучше, если лестница как можно скорее вернется туда, где ее взяли.

«Никогда не оставляйте за собой следов,» – вот первое правило, твердо усвоенное начинающими воришками в Шадизаре, и забывать о нем не следует. Особенно если вы после долгого перерыва вновь вернулись к сему непростому и трудному ремеслу.

Поэтому после завтрака северянин отправился на небольшую прогулку по задворкам гостиницы. Деревянная расша-

танная лестница по-прежнему оставалась там, куда ее второпях поставили ночью, и через несколько мгновений улетела в заросли лопухов, гулко стукнувшись о землю. Других причин задерживаться на заросшем сорняками пяточке земли у Конана не было.

Он уже собирался перепрыгнуть через покосившийся заборчик и вернуться в гостиницу, когда заметил небрежно свернутый кусок серо-зеленоватой ткани. Сверток выглядел так, словно его недавно швырнули откуда-то сверху, он шлепнулся поверх пыльных листьев лопуха да так и остался лежать.

«Бросили сверху – либо с крыши, либо... – киммериец посмотрел на темное пятно занавешенного окна. – Либо из моей комнаты. Что бы это значило?»

Старая тряпка больше напоминала мешок с дырками, но, приглядевшись, Конан понял: у него в руках не тряпка, а одежда. Мешковатая, грубо сшитая одежда, весьма похожая на принадлежавшую незнакомке. Неудивительно, что женщина хотела при первой возможности избавиться от такого жуткого безобразия.

Киммериец хотел снова свернуть рванье и забросить подальше, но, случайно перевернув, удивленно присвистнул. Всю переднюю часть одежды покрывала россыпь бурых расплывшихся пятен. Опытный взгляд наемника сразу определил в них недавно пролитую но уже подсохшую кровь.

«Из человека столько выпустить – помрет на месте, –

озадаченно подумал Конан, вертя затвердевшую как доска одежду. – Значит, не ее собственная... Тогда чья? Выглядит так, будто моя старушка стояла под кровавым дождем. Или она вовсе не старушка? Куда, Сет ее побери, она таскалась ночью? Ну ничего, сейчас она мне все растолкует, а не захочет... Очень пожалеет.»

С этой мыслью северянин тщательно спрятал залитую неизвестно чьей кровью одежду, завернув ее в валявшиеся тут же тряпки и сунув в самую гущу лопухов. Он собирался вернуться в «Подкову» и задать неожиданно спасенной им женщине несколько вопросов... и в зависимости от ответов решить, что с ней делать.

На лестнице навстречу ему попала не на шутку рассерженная и надутая Киска Ви.

– А говорил – сестренка! – обиженно бросила она. – Какая она тебе, варвару-дикарю, сестренка?

– Ну, пошутил, – хмыкнул Конан. – Что, не похожа?

Киска презрительно фыркнула и заявила:

– И чего она в тебе такого нашла? Она ж дворянка, сразу видно, и таким как ты, не чета вовсе. Воды-то сколько извела, прямо жуть!

«Дворянка? Что-то я ничего не понимаю...»

– Я ей все принесла, что было надо, – продолжала Ви. Оглянулась и шепотом спросила: – Слушай, а что с ней такое случилось?

– Много будешь знать... – многозначительно начал ким-

мериец, но Киска уже убежала, шлепая стоптанными каблучками по лестнице. Конан задумчиво посмотрел ей вслед, стукнул в дверь и вошел.

* * *

Незнакомка, подобрав ноги, удобно устроилась на кровати. Из двух табуретов она соорудила подобие стола, водрузила на него уставленный тарелками поднос и сейчас с волчьим аппетитом уплетала все подряд. Услышав скрип двери и шаги, тихо ойкнула, спрыгнула на пол и замерла посреди комнаты.

«Ничего себе старушка», – с легким изумлением признал Конан. Маленькой женщине в чуть великоватом темно-синем платье, неподвижно застывшей с опущенной головой, было не больше двадцати лет. Если не меньше. И обтянутый кожей скелет она больше не напоминала. Просто худенькая.

Разлохмаченная копна волос теперь была заплетена в две толстые косы, лежавшие на узких плечах девушки, и киммериец понял, почему Киска Ви сочла незнакомку дворянкой. Чувствовалось в ней что-то от прирожденной аристократки, даже сейчас, когда она просто стояла, ожидая, как повернется ее судьба. Единственное, что выдавало ее волнение – крепко стиснутые кулачки с отчетливо выступившими

косточками.

– Ты кто? – почему-то вполголоса поинтересовался Конан.

– Рата, – быстро отозвалась девушка, по-прежнему упорно смотря в пол. – Из Элиды в Аргосе.

«Каким это образом она угодила из Аргоса в Заморю, на другой конец света? – недоуменно подумал киммериец. – Рата... Насколько я понимаю, стигийское имя, хотя на стигийку моя красавица вовсе не похожа...»

– Элида – это что? Город?

– Нет, – Рата покачала головой. – Деревушка. На правом берегу Хорота, от Мессантии лиг тридцать вверх по течению. Маленькая такая деревушка...

Девушка наконец-то оторвала взгляд от плохо оструганных досок пола и нерешительно посмотрела на своего спасителя. Смотреть ей пришлось снизу вверх: ростом она не доставала северянину даже до плеча.

Но если бы она вдобавок к маленькому росту оказалась горбатой, кривоногой и сухорукой, за один ее ласковый взгляд можно было смело ввязываться в любую неприятность. Даже грозящую завершиться на Серых Равнинах.

На узеньком и очень бледном личике Раты глаза были самой заметной частью. Чуть раскосые, светло-карие с желтоватым оттенком, напоминающим цвет свежего меда, в обрамлении длинных загнутых ресниц. И женщину с такими глазами сажать в клетку?..

– А скажи-ка мне, как звали твоего хозяина? – медленно проговорил Конан.

– Зачем? – слегка испуганно спросила Рата и попятилась.

– Изловлю и кишки на уши намотаю.

– Не надо, – очень серьезно сказала девушка. – То есть, конечно, надо... Но лучше не стоит. Он, наверное, сам сейчас лезет на стену. В тайнике были почти все его сбережения, – она подумала и деловито прибавила: – около полутора тысяч золотом.

– Половина твоя, – не долго думая, брякнул киммериец, и Рата удивленно подняла брови:

– Зачем они мне?

– А на что ты собираешься жить?

– Д-да... – растерянно согласилась она. – Этого я как-то не учла...

Она вернулась к кровати и присела на краешек, держась по-прежнему настороженно, точно ожидая новых нападений. Конан устроился напротив, на полу. Помолчав, Рата неуверенно сказала:

– Та девушка, здешняя служанка, говорила, что ты наемник...

Тут северянин сообразил, что забыл назваться.

– Точно, наемник. Конан из Киммерии.

И ухмыльнулся про себя, ожидая привычного вопроса, задаваемого всеми, кому он представлялся: «Киммерия – это где?»

– А я почему-то решила, что ты из Ванакхейма, – спокойно заявила Рата, и варвар решил, что ослышался. Эта девчонка знала о существовании далеких северных стран, мало того – совершенно правильно произносила названия! – Впрочем, ванакхеймцы все светловолосые...

– Послушай, – Рата наклонилась вперед, нервно перебирая ткань ветхого покрывала на кровати. – Наверное, нам стоит о многом поговорить. Я... Мне не так часто спасали жизнь, и поэтому я совершенно не представляю, что надо делать в подобных случаях. Если бы не ты, я продержалась бы еще пару дней, и померла. Но... – она окончательно запуталась в словах и с трудом произнесла: – Мне даже нечем отблагодарить тебя.

– Расскажи, как ты здесь очутилась и за что тебя посадили в клетку, – попросил Конан, подумав: «Будто не знает, чем может отблагодарить! Ладно, нельзя требовать всего и сразу... пусть в себя придет, а там посмотрим.»

– Я поссорилась с хозяином... – послушно начала Рата и перебила сама себя: – Нет, пожалуй, начать надо с другого. Я родилась в Аргосе, но имя у меня стигийское, означает оно – Молчание. Не помню, как меня звали родители. Мне было лет десять, когда я попала стигийским работорговцам, и они научили меня тому, чем я занимаюсь теперь.

Она вздрогнула, точно от холода, и торопливо пояснила:

– Это не самая радостная часть моей жизни, и я не люблю ее лишней раз вспоминать.

– Чему же тебя научили?

– Я сторож, – с тихой гордостью сказала Рата, и, заметив непонимающий взгляд киммерийца, разъяснила: – Я могу сделать так, чтобы человек испугался собственной тени. Отвести глаза вору или убийце. Слышу, когда лезут в дом, даже когда сама сплю...

– Ты что, колдунья? – с опаской спросил Конан, но девушка с досадой замотала головой:

– Нет! Я просто умею так делать, а магия или стигийское черное волшебство здесь ни при чем. Родилась такой.

– Тогда почему ты позволила мне обчистить твоего хозяина?

– Потому что хотела жить, – спокойно ответила Рата. – И чтобы проучить этого дурака, решившего, что меня можно безнаказанно запереть в клетку.

– Так за что тебя?

Девушка резко опустила голову, пытаясь скрыть болезненно-красные пятна, вспыхнувшие на лице, затем выпрямилась и отчеканила:

– Я сторож, а не подстилка! И сама решаю, с кем и...

– Понятно, – хмыкнул киммериец. – Я так и подумал. Что ж ты его не припугнула?

– Я пообещала, что превращу его жизнь в кошмар, – вздохнула Рата, постепенно успокаиваясь. – А он заявил, что перестанет меня кормить. Засунул в клетку, держал впроголодь, и я ничего не могла сделать... Только надеяться, что

либо наконец умру, либо кто-нибудь решится ограбить дом и я смогу сбежать.

– А как ты жила раньше? Тоже по клеткам?

– Мои прежние хозяева уважали меня, – задумчиво сказала девушка. – У меня всегда была возможность выбирать, кому пойти служить. Меня покупали, как породистую злую собаку... нет, неправильно. Скорее, как ручную пантеру. Когда человек не доверяет ни своим родным, ни слугам, он идет к торговцу дикими животными и покупает зверя. Ему доставляют покупку, но всегда предупреждают о том, что нужно помнить несколько правил.

Первое, – она загнула палец, – то, что вы заплатили за животное, еще не означает, что вы стали его хозяином. Второе – пантера только называется ручной, но всегда остается дикой. Никогда не повышайте на нее голос, не бейте, не морите голодом, а то она пообедает вами. Третье – выполняйте ее желания. Их не так много и им несложно угодить, а трудностей сразу станет меньше.

Все мои владельцы соблюдали этот договор, и у меня не было причин жаловаться. Я переезжала из страны в страну, ко мне хорошо относились и немного побаивались. Чаще я охраняла дома, спрятанные тайники, кладовые, но иногда меня брали с собой в поездки, как телохранителя. Моих хозяев ужасно забавляло, что их охраняет девчонка, на которую никто не обращает внимания. Конечно, все пялятся на ту стражу, что сама бросается в глаза – всякие здоровенные

мужики в кольчугах да при мечах – и никому не придет в голову, что по-настоящему надо бояться маленькой соплячки...

Рата остановилась перевести дух, а Конан подумал, что поведанная ей история действительно заслуживает названия необычной. До чего только не додумаются одержимые стигийские колдуны – сделать из хрупкой девушки подобие свирепого наемника. Неудивительно, что Рата не хочет вспоминать о том, как это происходило.

Однако у северянина по-прежнему оставалось твердое убеждение, что его подопечная кое-что недоговаривает или скрывает. Были определенные мелочи, недомолвки, не позволяющие поверить Рате до конца. Она ведь ни словечком не обмолвилась, куда ходила нынешней ночью и где попала под проливной дождь из крови.

– С последним хозяином мне не повезло, – вновь заговорила Рата. – Предыдущий был старым и внезапно умер, у него оказалось множество долгов и наследники продали имущество с торгов. Так я попала сюда, и, честно говоря, мне здесь совсем не понравилось. Убогий, забытый городишко...

– Значит, ты побывала во многих странах?

– Аргос, Стигия, потом Шем, – перечислила девушка. – Немедия, Офир. И напоследок – Замора. Теперь как бы отсюда выбраться...

– Раздобыть лошадь и через два дня будешь в Арэнджуне, – проворчал варвар, припомнив, что сам застрял в этом

похожем на стоячее болото городке. – Кстати, ты так и не сказала, откуда знаешь про земли на севере.

– Мне рассказывали, – Рата с грустью вздохнула. – Я тогда жила в одном семействе в Асгалуне. К моему хозяину нанялся телохранителем человек из страны под названием Асгард. Его звали Эйрик, Эйрик Секира, и мы стали большими друзьями.

– Друзьями? – подозрительно переспросил Конан.

– Ну-у... Почти, – Рата слабо улыбнулась. – Он был хорошим человеком, и я очень тосковала, когда он решил вернуться домой и уехал. Бороду в косичку заплетал. Смешно... А что ты делаешь в этом городе?

– Жду, – неохотно ответил киммериец.

– Кого?

– Приятеля. Он уехал в Арэнджун, и вернется дней через пять. Если останется в живых.

– А можно узнать, зачем тебе понадобилось лезть в дом? – невинно-ехидным голосом осведомилась Рата.

– За деньгами, конечно, – не менее едко отозвался Конан. – Не за тобой же...

– Кости! – поколебавшись, уверенно предположила девушка. – Много проиграл?

– Все. И золото приятеля тоже. Ежели он узнает – убьет... Погоди, а ты откуда знаешь?

Рата скромно опустила глазки и, судя по ее виноватому виду, призналась в самой сокровенной тайне:

– Очень люблю играть, но все время не везет... Наверное, невезучие игроки чем-то схожи, потому и догадалась.

– М-да... – только и сказал киммериец. Рата невольно начинала ему нравиться. Пусть она даже наполовину не была так красива, как недавно встретившаяся на пути двух наемников дочка старого зуагирского шейха из крепости Баргэми. Зато, оказавшись в таком же безвыходном положении, как прекрасная зуагирка, Рата точно не стала бы рыдать и безропотно ждать спасения со стороны. Сумела же она, не колеблясь, ухватиться за подвернувшуюся возможность покинуть дом, где с ней так отвратительно обращались, и при этом еще изрядно насолить хозяину.

– А ты мне потом расскажешь, как вас с приятелем сюда занесло? – искренне поинтересовалась Рата. – Только не сейчас, ты извини, я опять спать хочу... Извини пожалуйста.

Она свернулась на кровати, натянула на себя вылинявшее покрывало, завернувшись в него с головой, и уже через несколько мгновений тихонько засопела.

«Что же ты не спросил, где она гуляла? Язык не повернулся? – ядовито напомнил сам себе Конан, и пообещал: – Ладно, спрошу. Потом. А пока...»

Пока требовалось немедля придумать, как надежно укрыть Рату. У киммерийца уже имелась пара хороших идей, подсказанных древним как мир советом: «Если хочешь что-то спрятать – положи у всех на виду», но для их осуществления требовалось раздобыть кой-какие вещи.

Убедившись, что девушка действительно крепко спит (а если притворяется, то довольно искусно) и не собирается просыпаться по крайней мере до вечера, Конан вышел из комнаты и стал спускаться вниз по скрипучей лестнице, жизнерадостно мурлыкая:

А он – вот ведь скотина! – прикончил Мораддина:

Стрела из арбалета вонзилась гному в это...

Старая песенка наемников, несколько переделанная киммерийцем в соответствии с нынешними обстоятельствами, неизменно приводила бывшего капитана тайной гвардии в состояние еле сдерживаемого бешенства. Причем не столько содержание, полное весьма подробных описаний различных историй из жизни вольных искателей приключений, сколько манера исполнения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В большом полутемном зале, занимавшем почти весь первый этаж постоялого двора, творилось что-то неладное. Обычно в это время, когда день завершался, плавно переходя в вечер, зал вопиюще пустовал. Добропорядочные горожане неторопливо разбредались по домам, а любители шумных ночных кутежей только продирали глаза, начиная с трудом соображать, где они находятся, и вспоминая, чем занимались вчера.

Нынче, похоже, обитатели Дэлирама задались целью нарушить все установленные традиции. Вокруг одного из столов расположилось не меньше десятка человек, а их оживленная беседа вряд ли заслуживала наименования тихой и мирной. Она куда больше напоминала суетливый переполох в курятнике, вызванный появлением охотящейся лисы или вечно голодного хорька. В общем шуме порой выделялся пронзительный щебет Киски Ви, горячо отстаивающей свое мнение.

Заинтересованный причиной столь необычного сборища, Конан подошел поближе и немедленно попался на глаза Ви, сердито крикнувшей:

– Мне не верите, так спросите хоть у него!

– А в чем, собственно, дело? – небрежно осведомился киммериец, без лишних церемоний отодвигая в сторону ка-

кого-то замешкавшегося старого крикуна и усаживаясь на его место. – Что, Замора с нынешнего дня окончательно стала туранской провинцией?

Вопрос о том, кому в действительности принадлежат провинции у закатных подножий Кезанкии, был наиболее волнующим для их жителей. Однако сейчас никто не бросился с пеной у рта отстаивать самостоятельность своей страны. Барракс лишь досадливо скривился, и неуверенно начал:

– Почтенный господин наемник, как мне кажется, побывал во многих странах...

– Ну и?.. – подбодрил запнувшегося владельца постоялого двора северянин.

– Скажи, а гули бывают? – Ви нетерпеливо перебила хозяина, собиравшегося продолжить свою мысль.

– Гули? – удивленно переспросил Конан. – У вас что, гули завелись?

Тут на него обрушился такой шквал воплей, предположений и совершенно непонятных постороннему сплетен, что киммерийцу пришлось треснуть кулаком по столу и заорать:

– А ну тихо все! Пусть говорит кто-нибудь один!

После чего в «Медной подкове» наступила мертвая тишина, и в ней прозвучал слегка дрожащий голос Барракса:

– Ви показалось, будто у нас в городе появился гуль.

После долгих расспросов и не совсем вразумительных ответов выяснилось следующее. Каждый месяц через Дэлирам проходило два-три каравана – из Султанапура по Дороге Ко-

ролей, из Аграпура, Акита, или из Шадизара и Арэнджуна. Караваны порой задерживались в городке, и неудивительно, что содержатель постоялого двора (да и не только он один) хорошо знал всех проводников, хотя бы раз в месяц появлявшихся в его заведении.

Благодаря обширным знакомствам почтенный Барракс мог с уверенностью предсказать, когда ожидается тот или иной караван, или когда проводники просто проедут мимо, направляясь к месту встречи с очередным работодателем. Последний караван прошел к Султанапуру дней двадцать назад, и хозяин «Подковы» со дня на день ожидал возвращения своего давнего приятеля, туранца Марида, бывшего старшиной караванщиков.

Марид с тремя сопровождавшими его помощниками и родичами действительно вчера вечером благополучно добрался до Дэлирама. Туранцы остановились в недавно выстроенном неподалеку от Дороги Королей караван-сарая, а Марид, как были уверены его спутники, отправился напрямик в гости к Барраксу.

Прошла ночь, настало утро, затем день, караванщики собрались трогаться в путь, а их старшина словно в воду канул или исчез где-то в просторах выжженной солнцем степи, начинавшейся за городом. Встревоженные туранцы учинили тщательнейший розыск в окрестностях караван-сарая, навестили все питейные заведения да постоялые дворы, где мог по каким-то причинам застрять Марид, и, наконец, обнару-

жили его. В предместье, возле давно заброшенного пустующего дома.

К сожалению, старшина караванщиков отправился в свой последний переход, из которого не возвращаются. Отбыл он туда, что было самым жутким и пугающим, разъятым на части. Один из нашедших труп туранцев до сих пор не мог придти в себя, а его товарищи начали всерьез опасаться, что бедняга повредился рассудком.

– Ну хорошо, а при чем здесь гули? – задал вполне резонный вопрос Конан, с трудом дослушав до конца печальную историю, постоянно прерываемую попытками установить, кто первый узнал о случившемся, и воспоминаниями о давних временах.

– Как при чем? – возмутилась Киска Ви, округляя глаза и всем видом показывая, как она ужасно напугана и действительно нуждается в немедленной защите сильных и храбрых мужчин. Не было ни малейшего сомнения, что Ви найдет себе такую еще до наступления ночи. – Марида то на кусочки разорвали! Кто так мог сделать? Только гули!

– Гули, моя дорогая, если они еще не перемерли, живут на другом конце света, – отрезал киммериец. – Росказней про них много, но живьем их почти не видели. Кто знает, может их не было никогда, а все байки – просто пьяный бред.

– Вот и я говорю – неоткуда здесь гулю взяться, – поддержал варвара Барракс. – Марид, наверное, наткнулся на бродячих псов, они его и прикончили. А ты выдумываешь

невесть что, людей пугаешь... Марш на кухню!

Ви состроила обиженную гримаску и ушла только после того, как Барракс дважды прикрикнул на нее. Хозяин долго и многословно извинялся, упирая на то, что Киска девушка впечатлительная, глуповатая, а потому верит во всякую ерунду. Конечно, жаль столь нелепо и неожиданно погибшего туранского караванщика, но обвинять в его смерти гулей – невообразимая чушь!

Большинство присутствовавших, в том числе и Конан, полностью согласились с мнением многоопытного владельца постоянного двора. Спор сам собой затих, сойдя на нет, и зал начал потихоньку пустеть.

Северянин же ненадолго задержался, узнавая у Барракса расположение близлежащих лавок, где продавались вещицы, необходимые для приведения в жизнь его плана.

Уже шагая по улицам притихшего вечернего городка, Конан поймал себя на том, что думает о словах Киски, и вполголоса выругался. Ви молола сушую чепуху, не стоящую ломаного медного гроша, что было очевидно для любого здравомыслящего человека. И вообще, какое лично ему дело до всех туранских караванщиков, вместе взятых? Правильно, никакого. А заподозрить, что в занюханном городишке обитает гуль, могла лишь дурочка, подобная Киске, и от рождения начисто лишенная мозгов.

Гули Рабирийских гор были страшным преданием Южного побережья. Невысокие, поросшие густым непролазным

лесом горы тянулись вдоль правого берега Хорота, разделяя Аргос и Зингару. Возможно, что гули – существа, внешне похожие на людей, но предпочитавшие человеческую кровь всему остальному – некогда на самом деле обитали там. Однако вот уже почти сотню лет никто не мог с уверенностью сказать, что видел живого представителя ночного племени.

Да, порой в Рабирийских горах бесследно исчезали большие караваны и посланные на их поиски вооруженные отряды, но с равным успехом это могло быть делом рук самых обыкновенных людей или животных. Да, в Мессантии, стоявшей на правом берегу великой реки, неподалеку от зловещих гор, по-прежнему обивали двери и окна тонкими полосками серебра, веря, что оно помешает гулю проникнуть в дом. Да, рискнувшие сунуться в леса одиночки (чаще всего наемники, пробирающиеся из одной страны в другую, или бродячие торговцы) с ужасом повествовали о чарующих голосах, манящих за собой, и о странных тенях, мелькающих среди деревьев.

Однако рассказы оставались не более чем рассказами.

Половина из страшных баек, по мнению киммерийца, не заслуживала ни капли доверия, а вторая половина была перевернутыми бабушкиными сказочками. Гули-кровопийцы отжили отпущенный им век и тихо передохли. Если где-то и уцелело два-три, то у них давно выпали все оставшиеся зубы, и они не способны загрызть даже самого хилого зайца.

Правда, в Аргосе до сих пор никто не селится на пра-

вом берегу Хорота. Только на океанском побережье и вблизи Мессантии.

«Постой, а что говорила Рата? – напомнил сам себе Конан и от неожиданности остановился, вспомнив слова девушки. – Элида, маленькая деревушка... на правом берегу! Может, в Аргосе уже настолько осмелели, что перестали бояться гор? Или Рата что-то напутала? В конце концов, она давно покинула дом, а за десять лет позабудешь все, что угодно... Даже то, на каком именно берегу реки ты жил? Совершенно не верится.»

Часть нужных лавок уже закрылась, но некоторые работали, и в гостиницу киммериец вернулся вместе с небольшим мешочком, в котором что-то тихо позвякивало. Он ожидал, что девушка будет спать, но Рата сидела на расстеленном на полу коврике и чем-то увлеченно занималась, обернувшись только на скрип двери.

* * *

За время отсутствия варвара Рата умудрилась привести маленькую комнату в совершенно жилой вид, прибрав изрядный разгром, устроенный наемниками, и раздобыла толстую длинную свечу, установленную теперь в медной площадке на одном из табуретов.

В неярком оранжевом свете Конан разглядел, чем развлекалась девушка. Она держала в руках обычный деревянный стаканчик для метания костей, а только что брошенные кубики раскатились по коврику.

– Выиграла! – обрадовано сообщила Рата вместо того, чтобы задать ожидаемый киммерийцем вопрос: «А где ты был?»

– Что там у тебя? – северянин стянул через голову перевязь с мечом и присел напротив Раты, положив клинок в пределах досягаемости. – Пять, четыре и конь... Где ж ты выиграла? Дай сюда!

Девушка собрала кости и протянула треснувший с одного боку стаканчик варвару. Желтоватые кубики снова разлетелись по полу, и оба наклонились, смотря, какое сочетание выпало. В Заморе для игры использовали три кости – две с привычными точками, одну с изображениями животных и предметов, имевших различное достоинство. «Конь» – крохотный силуэт скачущей лошади – приравнивался к шестерке.

– Два, пять, полумесяц... И здесь не везет! – с досадой сказал Конан. – Ладно, раз выиграла – держи.

Он перебросил принесенный с собой мешок на колени к удивленно наклонившей голову девушке.

– Что там? – Рата развязала тесемку на горлышке мешка и осторожно заглянула внутрь, точно ожидая появления ядовитой змеи или неожиданно выпрыгивающей лягушки.

Поколебавшись, запустила руку в мешок и вытащила тускло блестящий узкий браслет. – Это мне? Зачем?

– Затем, что мы совершенно неправильно поступаем, – охотно пояснил киммериец. – Ты должна не прятаться, а быть на виду. Твой бывший хозяин где тебя покупал?

– В Шадизаре, – отозвалась Рата, бережно перебирая лежавшие в кожаном мешочке украшения. – И тайком привез сюда.

– Значит, здесь тебя никто не видел и не знает, так?

– Так, – подтвердила девушка. – Меня никому не показывали.

– А тогда каким способом он докажет, что купленная им девчонка и путешествующая по своим делам дворянка из Аргоса – одно и то же лицо? – торжествующе закончил варвар. Рата озадаченно замолчала, а затем неуверенно уточнила:

– И этой дворянкой буду я?

– Ну не я же, – хмыкнул Конан. – Я вполне сойду за твоего телохранителя. Здешняя служанка, Киска Ви, сразу решила, будто ты из благородных, а раз так подумала она – подумают и другие. Сочиним душещипательную историю, чтобы объяснить, как ты объявилась в «Подкове»,ждемся Мораддина и свалим отсюда. В Арэнджуне я знаю людей, которые выправят бумаги, в которых будет проставлено что ты королева немедийская, а самое интересное, их будет не отличить от настоящих. Потом можешь делать, что угодно – оставать-

ся в Заморе или ехать в свой Аргос.

– Почему ты так поступаешь? – тихо спросила Рата. Ее странные глаза в неверном свете огонька свечи казались золотистыми. – Я случайно оказалась на твоём пути, ты обо мне ничего не знаешь...

– Перестань, – отмахнулся киммериец. – Ты же помогла мне обокрасть твоего хозяина. И вообще – мы, дикари, народ непредсказуемый и опасный, понятно? Что хотим, то и творим.

Девушка согласно кивнула, чуть слышно хихикнула, и поинтересовалась:

– А почему бы не уехать, скажем, завтра? Или ты обязательно хочешь дожидаться своего друга? Дорога здесь одна, ты можешь его встретить по пути.

– Не на чем ехать, – пояснил Конан. – В здешней дыре не продают лошадей, а свою я проиграл. Если у нас будет хоть одна лошадь, я смогу пойти пешком, а ты поедешь.

Рата задумалась, что-то подсчитывая на пальцах, а затем заявила:

– Через два дня в городе базар. Туда иногда приходят кочевники и туранцы, продают коней.

– Тем лучше для нас. Глядишь, раздобудем чего-нибудь... – проворчал киммериец, и, вспомнив сегодняшний шумный спор, спросил: – Ты слышала, что стряслось?

– Да, – утвердительно кивнула Рата. – Убили какого-то человека, туранца-караванщика. Ви прибежала и рассказывала.

По-моему, она очень напугалась.

– Киска вбила себе в голову, что в Дэлираме прячется гуль, – как бы невзначай уронил северянин.

– Что, что? – изумленно переспросила девушка. – Гуль? Какая чепуха!

– Вот и я так думаю, – согласился варвар. – Но ты росла в Аргосе, тебе лучше знать, живут там вампиры или нет. Кстати, напомни, как назывался твой городишко?

– Нет! – убежденно сказала Рата. – Гули давным-давно перемерли или ушли из Рабиров. У нас их никто никогда не видел. А моя деревня называется Элида. Она лежит на левом берегу Хорота.

– Ты говорила – на правом, – напомнил Конан.

– Я забыла, – виновато и вроде бы искренне призналась девушка. – Я очень давно убежала оттуда. Почему-то мне показалось, что Элида стояла на правом берегу. Конечно, на левом. На правом никто не селится. Традиция.

«Убежала? – недоуменно повторил киммериец. – А заливала, что ее похитили злобные стигийцы... Что-то ты врешь, моя красавица. Не знаю, почему и ради чего, но врешь, причем неумело.»

Он не сомневался в том, что Рата действительно из Аргоса – хоть она довольно бойко говорила на заморийском, акцент все равно сохранялся. Такие протяжные «э» и «л» произносятся только выходцы из Мессантии, и просто так от привычки не избавишься.

Задумавшись, северянин не сразу обратил внимание, что девушка обращается к нему:

– Расскажи, как вы с приятелем здесь очутились. Помнишь, ты обещал.

– Долгая история, – неохотно отозвался Конан. – Ну ладно, раз обещал... Значит, нанял меня месяца два назад один купчишка из Султанапура, чтобы я прогулялся через Кезанкию и нашел путь покороче, чем Дорога Королей. С этого все и началось, а потом ни дня спокойного не было...

Рассказ о Султанапурских приключениях действительно получился длинным, то и дело прерываемым хохотом каждый раз утыкавшейся в подушки Раты. Под конец у девушки не осталось сил смеяться и она тихонько всхлипывала, подвывая от восторга и спрашивая сквозь слезы: «А дальше? Дальше что было?»

– ...А потом мы перевалили через горы и увидели внизу какой-то поселок. И тут стало ясно, что либо мы топаем на своих двоих, либо останавливаемся и ждем, пока лошади снова согласятся везти нас, – завершил свое повествование о пребывании двух авантюристов поневоле в славном городе Султанапуре киммериец. – Мораддин на второй день уехал, я остался и собирался малость повеселиться, но сама видишь, что получилось...

Рата зарылась лицом в скомканное покрывало и снова неудержимо расхохоталась. Отсмеявшись, серьезно сказала:

– Завидую. Честное слово. Черной завистью. Оказывает-

ся, ты и твой приятель еще более страшные типы, чем мне показалось. Ох, сто лет так не смеялась...

– Было б чему завидовать, – хмыкнул слегка польщенный Конан. – Так, немного встряхнулись.

– Если это – «немного», то что же произойдет, когда будет «много»? – Рата с преувеличенной тревогой схватилась за голову. – Представляю... По меньшей мере, разрушением пары городов дело не обойдется. Не забудьте предупредить, когда начнете, надо будет успеть вовремя спрятаться.

Она насмешливо фыркнула, отодвинулась вглубь кровати, прислонившись к стене, и уже спокойно сказала:

– Поздно как... Ты спать будешь?

– Наверное, – отозвался киммериец, устраиваясь на своей подстилке.

– Свечку погасить?

– Мне не мешает.

Толстая желтоватая свеча сторела почти до половины, украсившись причудливыми наплывами. Рата, похоже, выспалась за день, и теперь сидела, над чем-то задумавшись и медленными движениями расплетая косы. Конан постепенно задремал, когда рядом с ним осторожно шевельнулось что-то живое.

– Это как понимать? – ехидно осведомился северянин, мгновенно просыпаясь.

– Ну-у, – задумчиво протянула Рата, устраиваясь поудобнее. – Меня всегда интересовало, почему все мои хозяйки –

даже бывшие в столь преклонном возрасте, когда пора все-речь прикидывать, какой именно цвет савана больше пойдет к лицу – предпочитали проводить ночи не с законными мужьями, а с телохранителями. А теперь представился замечательный случай самой это выяснить... Кроме того, я все таки в долгу перед тобой.

– И что, ты всегда отдаешь долги таким способом? – не удержался от язвительной подначки Конан.

– Конечно, нет, – невозмутимо ответила Рата. – Но если ты против...

– Я этого не говорил! – пожалуй, слишком поспешно возразил варвар.

– Тогда о чем, собственно, речь? – вкрадчиво промурлыкала девушка, и ее узкие прохладные ладони мягко скользнули по плечам Конана.

* * *

...Все было просто замечательно, однако некоторые вещи происходили не так, как всегда.

Это простое соображение медленно, но верно перерастало в уверенность, находя все новые подтверждения. Ну скажите на милость, где вы встречали женщину, которая ведет себя так, словно несколько лет провела в подземной тюрь-

ме-одиначке или тайном храме Митры со строжайшим обетом молчания, а вырвавшись на свободу, продолжает соблюдать накрепко вколоченные правила?

Женщину, которая не издает почти никаких звуков, только порой урчит, как довольная пантера? Которая целуется, не размыкая губ, и то всячески увертывается от вас, а то начинает вытворять такое, что искушенные красотки из веселых домов в Султанапуре изрядно бы призадумались? Короче, такую одержимую и во многом неповторимую сумасбродку, как Рата?

Правильный ответ – нигде. Значит, вам просто не повезло.

Впервые за пять дней пребывания в Дэлираме киммериец чувствовал себя полностью довольным жизнью. Все таки сто раз правы те, кто утверждает: «Все, что не происходит в мире – к лучшему.» Если бы не проигрыш, он никогда бы не встретил маленькую девушку, похожую на кошку с золотыми глазами, решившую по каким-то известным только ей причинам прикинуться женщиной.

Рата сидела, поджав ноги, и тщетно пыталась расчесать волосы, превратившиеся в хорошо свалывшуюся шерсть. Костяной гребень намертво застревал в перепутавшихся прядях, однако девушка с невиданным упрямством продолжала свое дело, не обращая внимания на иронические смешки Конана и его советы типа: «Обстригись, могу даже нож одолжить.»

– Нечего хихикать! – наконец не выдержала она, лишив-

шись особо густого локона. – Ну посмотри, что ты натворил!

– Брось, – киммериец попытался отобрать у нее гребень. – Иди сюда.

– Пусти! – дурашливо заверещала Рата. – Ай! Ну отпусти же!

Она тщетно попыталась вырваться и засмеялась.

Лучше бы она этого не делала.

Конан никогда не думал, что такая простая вещь, как улыбка, может превратить милое и ничем в общем не примечательное лицо в подобие жуткой маски, смахивающей на изображение лика Дэркетто. Безумной Дэркетто – стигийской богини страсти, сводящей с ума и заставляющей людей становиться животными.

За узкими губами девушки по имени Молчаливая скрывались мелкие, заостренные зубки, больше подходившие хищному животному. Четыре острейших клыка влажно поблескивали, отчего улыбка походила на оскал.

«Померещилось... – северянин крепко зажмурился и потряс головой, надеясь, что кошмарное видение сгинет само собой. – Вроде ж не пил сегодня... Ну как, пропало?»

Рата неподвижно сидела в прежней позе, словно оцепенев посреди недовершенного движения, и в ее расширившихся глазах был ужас. Медленным движением она поднесла ко рту узкую ладонь и судорожно шарахнулась назад, рывком вскакивая на ноги.

«Не померещилось, – пробормотал киммериец, совер-

шенно не представляя, что стоит предпринять в подобной ситуации, но по впитавшейся в кровь привычке протягивая руку к лежавшему неподалеку мечу. – Так вот оно что...»

Девушка метнулась в угол комнаты, едва не свалив по дороге табурет и стоявшую на нем свечку, и замерла, сторбившись и пытаясь сжаться в комочек. В спертom воздухе комнаты повисло напряженное молчание.

– Если хочешь меня убить, – деревянным, каким-то посторонним голосом произнесла Рата или создание, что носило это имя, – я даже не буду сопротивляться Тебе сделать это проще простого, а мне теперь все равно...

Может, именно так выглядел единственно возможный и верный выход, но взять и прикончить девушку, со спокойствием отчаяния предлагавшую собственную жизнь... Пусть такими делами занимается кто-нибудь другой. Да, куда потом прикажете девать ее труп?

«Ну-ка спокойно! – прикрикнул сам на себя Конан. – Можешь ты хоть раз в жизни подумать, прежде чем натворить дел? В конце концов, она ничем не отличается от обычной женщины. Почти не отличается...»

– Ты гуль, – с удивившим его самого спокойствием произнес киммериец.

– Да! – едва ли не в полный голос закричала Рата. – Да, да, да! Вампир, кровопийца, тварь, заслуживающая осинового кола в живот! Нечисть, нежить, что еще?

– Не ори, здесь стенки тонкие, – напомнил северянин, и

девушка внезапно смолкла на полуслове. – Ну что мне теперь с тобой делать, а? Убивать, честно говоря, жалко. Выгнать? Снова угодишь в клетку, если не что похуже.

Он ожидал, что Рата сейчас заплачет или сделает нечто подобное, но девушка по-прежнему молчала, бросая исподлобья короткие взгляды. Потом она осторожно опустилась на пол, точно пытаясь слиться с деревом обшарпанных стен.

– Так как решим? – спросил то ли у нее, то ли у себя Конан. – Чистосердечное признание и так далее... Того беднягу туранца не ты, случаем, отправила прогуляться по дороге без конца?

– Нет, – тихо, но очень твердо сказала Рата.

– А как насчет деревеньки Элиды то ли на правом, то ли на левом берегу?

– Она на правом, но я никогда там не жила. Послушай... – девушка собралась с духом и заговорила чуть громче. – Можешь мне не верить, но я говорила правду. Я сбежала из дома, из Рабиров... Если уж быть точной, меня выгнали, и не прошло и месяца, как я попаласть стигийцам. Они обучили меня быть сторожем и продали в Аргосе.

– За что тебя выгнали? – перебил киммериец. – Куда ты уходила ночью, когда я приволок тебя сюда? Быстро!

– Я... – начала Рата и сбилась. Коротко махнула рукой, решив, что другого выхода все равно нет, и точно бросилась в ледяную воду: – Я пошла искать еду. Мой хозяин боялся, что я выполню свою угрозу и устрою ему веселую жизнь, ес-

ли он не перестанет приставать ко мне, и потому не давал мне пищи без которой я не могу жить. Я убила корову, и... наелась. Иначе бы ты нашел утром вместо Раты ее скелет. Я больше не могла терпеть, я умираю.

– Значит, корову Барракса зарезала ты, – задумчиво повторил варвар. – А почему не меня или другого первого попавшегося человека?

– Я не могу убивать людей, – с трудом выговорила Рата и опустила голову, так что спутанные пряди закрыли ее лицо. – Поэтому меня прогнали. Я слабая, и, вдобавок, мне противно это делать.

«Поверить? Очень похоже на правду, если только здесь возможно отличить, где правда, а где ложь... Вот тебе и жуткие гули, – киммериец посмотрел на сжавшуюся в углу девушку. – И почему я не полез в другой дом?.. Если бы мне так везло в кости, как на дурацкие переделки, то Конан киммериец давно уже бросил мотаться туда-сюда по свету.»

– И как же ты... кхм... ну... живешь? Я считал, что гули обязательно должны каждую ночь приканчивать двух-трех человек...

– Тогда людей на земле просто бы не осталось, – грустно сказала Рата. – Это мы сами придумали и распустили слухи, чтобы нас боялись. Мне достаточно раз в три-четыре дня крови маленького животного. Кролика или курицы. В остальное время я ем то же самое, что и обычные люди.

– Барракс держит куриц, зачем тебе понадобилась его лю-

бимая телка?

– Я была очень голодная, – призналась девушка и нерешительно подняла голову. – И очень торопилась. Лучше одна корова, чем десять куриц. Наверное, надо ему заплатить...

– А что ты ему скажешь? Что у тебя было плохое настроение и, чтобы развеяться, ты пошла и перерезала глотку его корове? – съязвил Конан. – Кстати, чем ты это сделала? Зубами? Между прочим, ты вся перемазалась и выкинула потом одежду из окна, так?

– Да. У меня не получилось сделать все быстро и без шума, корова стала метаться, и я промахнулась. Я взяла нож на кухне, потом вымыла и положила обратно, – торопливо ответила Рата. Потом вздохнула и с горечью проговорила: – Ты не веришь. Ни единому моему слову. Так, наверное, и должно быть, я зря понадеялась, что сумею выдать себя за человека. Мы – нежить из ночных лесов, рыщущая в поисках добычи, и большинство из нас действительно хищники с обликом человека. С какой стати я должна от них отличаться? Может, мне лучше уйти? На худой конец, я могу вернуться обратно...

– В клетку? – жестко уточнил киммериец, и девушка вздрогнула. – Тебе так нравится вонючая солома и общество крыс? И еще мне кажется, что твой хозяин предпочел бы вернуть украденное золото, а не тебя. Что ты ему наплетешь?

– Я не знаю, где деньги, – дрожащим и очень правдивым голосом отозвалась Рата. – Человек, что выпустил меня, за-

брал все и унес с собой. Я не знаю, кто был этот человек и не разглядела его лица. Он ушел, а я осталась. Днем пряталась, вечером попыталась украсть еды...

– Не пойдет, – отрезал северянин. – Никто не поверит. Твой хозяин либо душу из тебя вынет, допытываясь, где золото, либо сдаст здешним властям, а они спокойно повесят тебя за убийство туранского караванщика.

– Но я не убивала его! – возмутилась девушка и даже встала.

– Это ты так говоришь, – невозмутимо сказал Конан. – Неужели ты всерьез полагаешь, будто тебе поверят? Особенно если твой хозяин решит, что сторож ему больше не нужен и откроет, кто ты такая? Да тебя и слушать не станут. Будет большой удачей, если тебя прикончат сразу.

– Тогда что же делать? – Рата обмякла, став бесформенной тенью в углу.

– Ничего, – после недолгого, но напряженного раздумья киммериец пришел к выводу, что лучше оставить все, как есть. – Если мы попытаемся что-то наскоро поменять, то запутаемся и непременно себя выдадим. Будем действовать, как задумали, а при первой возможности удерем из города. В Туране спрятать тебя было бы не в пример проще, там женщины лица закрывают... Неужели никто раньше ничего не замечал? Кстати, у тебя... м-м... других особенных отличий нет?

– Хозяева знали, а при посторонних людях я всегда молча-

ла. Кто обращает внимание на заморыша, что держится потихоньку где-то в уголке? – несколько обиженно сказала Рата. – А другое... есть.

Она вытянула руку ладонью вперед. Конан еще днем обратил внимание, что у девушки вдоль подушечки каждого пальца идет тонкая линия, точь-в-точь давно заживший шрам. На его вопрос, как она умудрилась так изрезать пальцы, Рата равнодушно пожала плечами и ответила, что родилась с столь странным украшением. Теперь она резко согнула кисть в подобие цепкой птичьей лапы, обзаведясь внезапно появившимися крючками пяти длинных изогнутых когтей. Расслабила руку – когти мгновенно исчезли, втянувшись в пальцы.

«С такими коготками никакие кинжалы не потребуются, – оценил необычное оружие киммериец. – Но все равно, в жизни не поверю, что маленькая девчонка сумела расправиться со здоровым мужиком. Караванщик из Турана – значит, должен был уметь защищаться. Туранцы рождаются с саблей в руке. А если она сперва его напугала до полусмерти, а потом спокойно зарезала или загрызла? Но все в один голос твердят: этого типа просто разорвали на кусочки... У нее просто не хватило бы времени так быстро обернуться. Ну как, поверим или нет? Впрочем, все равно я уже вляпался в это дело... Будем надеяться, что неприятности на этом закончатся.»

– Что ты собираешься делать? – настороженно спросила Рата, так и не покинув свое спасительное убежище.

– Спать, – невозмутимо ответил Конан. – Хватит с меня на сегодня.

– А я? – робко поинтересовалась девушка.

– Можешь пойти прогуляться, авось напугаешь кого-нибудь, – буркнул киммериец. – А можешь всю оставшуюся ночь торчать в углу, если тебе так нравится. Только отвяжись от меня хотя бы до утра.

– Я... – Рата чуть не задохнулась от возмущения. – Я не навязывалась!

– Да ну? Значит, мне померещилось? – с этими словами варвар улегся на своей подстилке, посмеиваясь про себя над обозлившейся девушкой. На какое-то время в комнате воцарилась тишина, затем еле слышно скрипнули доски под ногами осторожно крадущегося человека.

«Попробует выскочить в окно – пусть катится куда хочет и выкручивается сама!»

Шаги замерли на месте, затем раздался скорбный вздох и жалобное:

– Может, подвинешься?

Рата улеглась рядом, по-кошачьи свернулась в клубочек и быстрым шепотом произнесла:

– Вообще-то мое настоящее имя – Ринга.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Вот так начинаешь привыкать к спокойной жизни... – в единственное окно гостиничной комнаты падали отвесные лучи полуденного солнца. – Никуда не надо спешить, никто не собирается начинать день с охоты за твоей головой... А это еще что такое..?»

Женщина, стоявшая у окна, обернулась, и все встало на свои места. Робкая надежда, что несколько пугающие вчерашние открытия были всего лишь причудливым сном, мгновенно исчезла.

– Только не улыбайся, – быстро проговорил Конан. – Ты очень милая девушка, но увидеть твою улыбку по второму разу – чересчур даже для меня. Теперь понимаю, как можно поседеть за одну ночь.

Рата – вернее, Ринга – отвернулась, тихо хихикнула, а затем очень серьезно пообещала:

– Я постараюсь не забывать. Вон твой завтрак... а еще у меня есть две новости.

– Какие? – киммериец уселся, подвинув к себе поднос, уставленный тарелками и подумав, что кормят у Барракса довольно мерзко – постоянно что-то переварено или не дожарено.

– Одна плохая, – медленно ответила Ринга. – Вторая... не знаю, наверно, тоже не слишком хорошая.

– Начинай с той, что получше, – решил варвар.

– Пришел какой-то тип – военный в одежде офицера. Не местный. С ним трое солдат. Они очень желают тебя видеть, и, полагаю, вовсе не для того, чтобы пожелать доброго утра.

– Ох! – Конан хлопнул себя по лбу. – Немедийцы! Долг! Ладно, с ними я разберусь. А вторая новость?

Ринга замолчала, прошлась по комнате, и неохотно выдала:

– Сегодня ночью убили человека.

От неожиданности киммериец подавился и закашлялся.

– Сетовы змееныши, опять? Кому не повезло на этот раз? Откуда ты узнала?

– Гвардейцы, что сидят внизу, нашли труп утром около своей казармы, – обстоятельно ответила девушка. – Как я поняла, это местный дворянин и не последнее лицо в городе. Он... короче, он тоже разделан на кусочки.

Она помолчала и невесело добавила:

– По крайней мере, теперь точно известно, что я здесь не при чем. Ночью я никуда не уходила. Подтвердишь, если попадемся?

– Обязательно, – задумчиво протянул северянин. О том, что ему наверняка не поверят, он распространяться не стал. Ринге не пришла в голову простая мысль, что с точки зрения общества, человек, имеющий в качестве подружки женщину-гуля, меньше всего заслуживает доверия. Еще убийство – значит, неприятности отнюдь не собираются заканчивать-

ся... Вот тебе и сонный городок. – Слушай, я сейчас спущусь вниз и потолкую с этими вояками. А потом пойдем прогуляемся и послушаем, что носится в здешнем воздухе. Мне все это не нравится.

– Мне тоже, – кивнула Ринга. – И я не понимаю, что происходит.

Когда по многострадальной лестнице прогрохотали шаги спускающегося варвара, немедийские гвардейцы уже успели прикончить один бочонок с вином и приступили ко второму. Вид у них был совершенно не геройский, как подобало бы славным воинам столь великой державы, а скорее задерганный до предела. Особенно у капитана Даммароса, глубоко убежденного, что ему суждено закончить свои дни в заморийской глуши, где никогда ничего не происходит.

Безжалостные колеса политики погубили начинавшуюся карьеру воспитанника Военной Академии, зашвырнув его в далекий Дэлирам. Немедия всегда была не прочь немного расширить свои владения, и, фактически покорив Коринфию, начинала приглядываться к позабытой всеми Заморе. Жаль только, что та же мысль одновременно посетила и ум правителя Турана, и теперь величайшие страны Запада и Востока оспаривали друг у друга возможность растерзать маленький пограничный край на части.

Какому-то высокопоставленному идиоту в Бельверусе показалось очень умным разместить в крохотном городишке на Дороге Королей немедийский гарнизон. Якобы для оказа-

ния помощи в охране границы и Дороги. Командовать пятью десятками необученных тупиц поручили только вышедшему за порог Академии и страшно гордившемуся этим Даммаросу. И что в итоге? Жуткая скука, омерзительный городишко и полное отсутствие денег. А теперь еще и изглоданные мертвецы под дверями казармы.

«Если эта северная скотина не захочет немедленно отдавать долг, – мстительно пообещал себе Даммарос. – Я из него отбивную сделаю. Да! Именно отбивную, а потом посажу на пару дней за решетку. Правда, он наверняка сбежит, но это уже не моя забота.»

Но незамысловатой мечте не было суждено сбыться. Проигравшийся наемник начал с того, что швырнул на стол пару увесистых мешочков, буркнув: «Подавитесь, жмоты», а затем, ухмыляясь, заметил:

– Что-то вы сегодня разговорчивы, как покойники.

Упоминания о покойниках капитан Даммарос не выдержал. Кроме того, он даже себе не признался бы в том, что жутко завидует этому варвару, не обязанному торчать на одном месте и выслушивать указания от слишком много мящих о себе придурков. Немедийскому офицеру срочно требовалось сорвать на ком-то свое плохое настроение, и он нашел достойный повод.

Ругался он долго, красочно и почти не повторяясь. За это время Конан успел раздобыть себе кружку, выпить с гвардейцами за успокоение разума их разошедшегося капитана,

и преждевременно решить, что не узнает ничего стоящего внимания. Высказавшись, Даммарос стал чуть более разговорчив и даже ответил на несколько осторожных вопросов киммерийца, касавшихся утреннего происшествия.

Знал гвардейский капитан немного. Неудачника, нынешней ночью преждевременно отправившегося к Нергалу, звали Райнаком и он действительно принадлежал к дворянскому сословию. Немедийцы искренне полагали смерть Райнака не слишком достойной сожаления. Как выразился капитан: «Многие в этом городишке обрадуются, узнав, что он наконец-то перестал шляться по земле.»

– Почему? – поинтересовался Конан. – Кем он вообще был? Здешней шишкой?

– Сам по себе – ничем, – последовал ответ. – Нахальным пройдохой. Но у него был хорошо подвешен язык и водились деньжата. За ним вечно околачивались десятка два головорезов, готовых учинить любую пакость.

Дело для Заморы опять-таки знакомое и весьма привычное. Бездельник с набитым кошельком и ошивающаяся под его началом небольшая шайка. Поборы с купцов вдобавок к налогам, уходящим в казну государства, мелкие грабежи, но в основном – пускание пыли в глаза окружающим.

– Может, он встал поперек дороги серьезным людям? – предположил киммериец. – Ввязался в ссору с человеком, оказавшимся ему не по зубам. Или его парням надоело ходить под его началом, и они выбрали себе другого вожака.

– Все может быть, – уныло отозвался Даммарос. – Только это не наша забота. Есть градоправитель, есть командир туранской полусотни, и даже начальник здешней городской стражи. Пусть они и разбираются, а мое задание – охранять эту треклятую Дорогу. Вот и буду ее охранять... покуда не свихнусь. Слушай, варвар, сколько там с тебя причиталось?

– Посчитай сам, – отмахнулся Конан. – Сотня или полторы.

Немедиец вытряхнул содержимое мешочков на стол и погрузился в долгие подсчеты, перекладывая монеты с места на место. Его подчиненные с увлечением следили за перемещением желтых кружочков по плохо обструганным доскам, на время позабыв о присутствии северянина. Можно было с чистой совестью уйти, но Конан вспомнил о проигранных камнях.

– Здесь больше, – заявил Даммарос, закончив складывать монеты в равноценные кучки. – Три сотни и еще четыре десятка.

– Вот и хорошо. Я хочу получить назад камни, если ты их еще не пропил.

– Зачем? – подозрительно осведомился гвардеец.

Правдоподобного ответа, как всегда в нужный момент, на ум не шло, и варвар брякнул первое, что подвернулось:

– Они мне... м-м... дороги как память.

Такого Даммарос не ожидал, несколько растерялся и кивнул:

– Ну-у... ладно. Вот они.

Самоцветы оказались у немедийца с собой – капитан гарнизона явно не верил в честность своих солдат и не рискнул оставлять драгоценности в казармах. Кажется, число камней не уменьшилось, что, впрочем, не имело особенного значения – пропажу двух-трех безделушек Мораддин вполне мог пережить. Особенно если удастся придумать подходящую историю их исчезновения.

– Почему у тебя все золото – немедийское? – ни с того, ни с сего поинтересовался гвардеец, ссыпая монеты обратно в мешочки. – Оно здесь не часто появляется, в ходу больше туранские империалы.

– Не все ли равно, какие деньги получать? – рассеянно отозвался Конан. – Бери, что дают, а то и этого не будет.

– Любопытно, капитан, – подал голос один из солдат. – У этого громилы два дня назад медного гроша за душой не было...

– Ты что, в мой кошелек заглядывал? – огрызнулся киммерец.

– А теперь он швыряется золотыми, – гнул свое вояка. – Где он их успел раздобыть, за два дня-то? Может, они фальшивые?

– В самом деле, – Даммарос сделал солдату знак замолчать и пристально взглянул на северянина. – У нас небогатый городок и так быстро достать столь крупную сумму... Не спорю, Райнак был порядочной сволочью, но неужели это

твоя работа?..

– Слушай, ты... – варвар начинал злиться. – Получил свои деньги? Ну и проваливай, а до ваших мертвецов мне дела нет!

– Погоди, погоди, – гвардейцы начали отодвигаться от стола, образуя круг, и Конан с сожалением понял, что сегодняшнее утро неминуемо будет отмечено доброй дракой. Немедийскому офицеру требуется подозреваемый и сойдет любой, лишь бы немного встряхнуть городок и заодно напомнить о себе. Как бы не всплыли подробности визита некоего наемника в предместья Дэлирама. Правда, его там никто не заметил, но можно ли за это поручиться? Ну что за невезучее место!

– Что здесь происходит? – льда в раздавшемся голосе хватило бы на то, чтобы заморозить все реки Востока и Запада, и еще немного оставалось для устройства небольшого снегопада в Стигии. Гвардейцы и прикидывавший, кого свалить первым варвар невольно оглянулись.

Не замеченная никем Ринга тихо спустилась по лестнице и подошла к столу. Она нашла выход из положения, позволявший ей говорить, не заставляя людей шарахаться в стороны. Нижнюю часть ее лица закрывала плотная синяя вуаль, наподобие носимых жительницами Турана. Правда, на восточную красавицу Ринга все равно не походила. Как и на любую другую женщину, неважно, с Востока или Запада.

– Я спрашиваю – что здесь происходит? – тем же ледя-

ным тоном разгневанной, но сдерживающейся в присутствии простолюдинов аристократки повторила Ринга.

– Ровным счетом ничего, – первым отозвался Конан, мысленно похвалив рабирийку за своевременное вмешательство.

– Э-э... Это кто? – выдавил из себя окончательно сбитый с толку Даммарос, и Ринга немедленно обернулась к нему:

– Судя по всему, вы здесь командуете? Кстати, почему бы вам не оторвать свой зад от скамьи... офицер? Я все же дама!

Презрение в ее голосе было совершенно искренним. Растерявшийся немедиец, поняв что имеет дело с благородной, поднялся на ноги, а его солдаты попятились подальше от маленькой снежной бури в человеческом образе.

– Сколько раз мне придется повторять – что здесь творится?

– Им очень хочется знать, откуда у меня деньги, – решил прояснить ситуацию киммериец. – Почему-то они убеждены, что я их обязательно украл.

– Этот человек служит у меня. Телохранителем, – холодно процедила Ринга. – Я заплатила ему. Еще вопросы есть? Нет? Тогда позвольте вас оставить. Идем.

Терпения варвара хватило даже на то, чтобы открыть перед девушкой дверь, отойти подальше от постоянного двора и завернуть в первую попавшую безлюдную улицу. Только тогда он безудержно расхохотался, не обращая внимания на жалобные просьбы Ринги остановиться или хотя бы вести

себя потише. Кончилось тем, что девушка тоже засмеялась, уткнувшись лицом в теплую каменную стену дома.

* * *

– Я бы отлично разобрался и без тебя, – ворчал Конан. – Нет, спасибо, конечно, но зачем ты вылезла?

– Догадываюсь, чем закончились бы твои разборки, – язвительно отозвалась Ринга. – Выносом этих бедняг вперед ногами и разгромленной гостиницей. А зачем нам лишнее внимание? Я их немножко попугала, и мы мирно разошлись... Ты узнал у них что-нибудь полезное?

Двое неторопливо шли по пустынной улице, застроенной невзрачными одноэтажными домиками с плоскими крышами, направляясь к центру городка. Редкие прохожие порой бросали вслед странноватой паре изумленный взгляд, но большого интереса чужеземцы не вызывали – мало ли кто в последнее время проезжает по Дороге Королей. Идут себе люди и идут, никому не мешают, говорят о чем-то своем...

– Почти ничего, – отозвался киммериец. – Покойника звали Райнак, и его не очень жаловали. Он содержал шайку; может, его прикончили свои же люди. Или он отхватил кусок, оказавшийся не по зубам. В городе многие порадуются его смерти. Больше эти вояки ничего не знают.

– Мало, – задумчиво подвела итог Ринга. – Интересно, был ли знаком этот человек с туранцем, как его... Маридом?

– Может, был, – северянин пожал плечами. – А может, и нет. Зачем тебе это понадобилось?

– Если их что-то связывало, стало бы немного понятнее, почему их убили, – разумно ответила девушка. – Тебе так не кажется?

– Будь здесь не стоячее болото, а нормальный город, – пробурчал Конан, – нам в первом попавшемся трактире подробно рассказали все про всех. Кто на кого работает, кто с кем поцапался и чья жена к кому ушла. А так даже спросить не у кого. Гвардейцы безвылазно сидят либо в казарме, либо в веселых домах, больше я никого здесь не знаю и ты тоже. И вовсе не наше это дело, нам бы проторчать тут незамеченными еще пару дней и смыться.

Ринга пропустила все не лишённые здравого смысла слова мимо ушей и озабоченно спросила:

– Ты не заметил, полнолуние уже было или нет?

– Полнолуние? – удивился киммериец. – Кажется, наступит завтра или через день. А это здесь при чем?

– Наверное, не при чем, – Ринга опустила голову, обдумывая что-то, затем осторожно произнесла:

– Как ты считаешь, не может в Дэлираме оказаться еще один гуль? Из моего племени?

– Ты спятила, – убежденно ответил Конан. – Мало мне тебя? Или все вампиры скопом решили переселиться именно

сюда?

– Подожди, – Ринге пришла в голову интересная мысль и она не собиралась отступаться от нее. – Кто-то же убивает людей...

– А нам-то что?

– Да не перебивай ты! Иногда в полнолуние некоторые из нас сходят с ума, и убивают, пока луна не пойдет на убыль. Вдруг здесь похожая история?

– Охотиться на гулей я не пойду, – отрезал киммериец. – И не надейся. Тем более – на бешеного гуля. Можешь заняться этим сама, а я посмотрю, что получится.

– Хорошо, – кротко сказала девушка. – Я все поняла. Но выслушать ты меня можешь?

– А я чем занимаюсь?

– Невероятно, чтобы в маленьком, забытом всеми городке одновременно оказались два гуля, – медленно проговорила Ринга. – Но вдруг дела обстоят именно так? Я хочу убедиться, что ошибаюсь.

– Каким образом? – хмыкнул северянин.

– Посмотрев на труп Райнака, – просто объяснила девушка. – Его убили ночью, нашли утром, значит, сейчас тело должно находиться в его доме.

– И его обхаживает покойничья братия, а вокруг толкуются неутешные родственники. И не забудь людей из его шайки, – подхватил варвар. – Нет, ты точно свихнулась! Лезть в дом, чтобы полюбоваться на покойника!

Ринга забежала вперед и загородила киммерийцу дорогу.

– Я вздорная и капризная девица, – заявила она, придавая голосу визгливые нотки. – У меня куча невыполнимых желаний, вдобавок я хочу луну с неба. Устраивает? – и уже серьезнее добавила: – И еще у меня нехорошее предчувствие. Пожалуйста, давай попробуем, это же не преступление, мы не собираемся ничего красть и никого убивать! Только посмотрим и уйдем!

– В Заморе порой одно то, что ты еще жив – преступление, – проворчал Конан, добавив про себя: «А в последнее время я начинаю верить в предчувствия, особенно в плохие.» – Ну хорошо, хорошо! Так и знал, что от тебя не дождешься ничего, кроме неприятностей! Ты ведь даже не знаешь, куда надо идти!

– Спросим у кого-нибудь, – легкомысленно отозвалась Ринга, донельзя довольная тем, что добилась своего, и огляделась по сторонам в поисках подходящего прохожего. – Вон у него хотя бы.

Северянин поглядел, куда указывает девица, и удрученно вздохнул – она безошибочно определила наиболее подходящую на роль осведомителя личность.

Старый нищий – неизменная принадлежность любого города как на Западе, так и на Востоке – расположился на углу вливающейся в пустынную площадь улицы. Рядом с ним лежала тощая собака с наполовину вылезшей клочковатой

шерстью. Пес поднял голову, посмотрел на подходящих людей, лениво зевнул и снова задремал. Его хозяин вообще не подавал признаков жизни, даже когда в глиняной чашке для подаваний звякнула медная монетка.

– Мы ищем человека по имени Райнак, – мрачно сказал Конан, выругав себя за то, что уступил просьбам рабирийки. – Где он живет?

Нищий приоткрыл узкие глазки, став похожим на любопытную черепаху (если только черепахи бывают любопытными), внимательно осмотрел с ног до головы спрашивающих и ехидным скрипучим голосом ответил:

– Сходи к Нергалу, ему лучше знать, чем мне.

– Ах ты, вонючая дрянь... – киммериец нацелился было как следует пнуть старикашку, но вмешалась Ринга.

– Нам нужен дом, где жил этот человек, – очень проникновенным голоском сказала она. – Куда нам идти?

– А ты поумнее, чем твой дружок, – хихикнул попрошайка. – Второй перекресток, а там сами увидите.

– Благодарю, – серьезно кивнула Ринга и добавила, обращаясь к северянину: – Вот мы и знаем. Я тебя очень прошу – не надо его бить. Он ответил на заданный тобой вопрос. Пошли, поищем дом.

Старая беззубая шавка подняла голову и насмешливо гавкнула вслед удаляющейся паре.

Нужный дом они отыскивали без труда – он выделялся среди остальных, словно павлин в стае уток. В обширном дво-

ре, обнесенном высоким каменным забором, слонялись пять или шесть громил, безуспешно пытавшихся придать туповатым от природы физиономиям выражение подобающей моменту скорби.

– Без шума мы здесь не войдем, – справедливо заметил Конан.

– Обойдем сзади, – отозвалась девушка. – Кстати, как думаешь, в каком помещении могут держать покойника до начала всех церемоний?

– Где-то в холодном месте, а то по такой жаре он у них моментально развалится на части.

– В погребе? – предположила Ринга.

– Скорее, на леднике. Кстати, им надо поторапливаться с похоронами.

Сзади к дому примыкал обширный сад, не выглядевший таким запущенным, как принадлежавший бывшему владельцу Ринги. Сад отделяла от улицы бронзовая решетка высотой в рост человека, перелезть через нее не составило особого труда.

Прячась за отцветающими розовыми кустами, двое незваных гостей пробежали по усыпанным мелким песком дорожкам мимо погруженного в свое занятие садовника. Тропинки, прихотливо петлявшие в зелени сада, заканчивались у беспорядочно разбросанных пристроек, обступивших заднюю часть здания.

Ринга, встав на цыпочки, заглянула в первое подвернув-

шея окно и разочарованно развела руками:

– Кухня. И никого нету.

– Пошли дальше, – отозвался киммериец. – Думала, все тебе так сразу? Может, они тело в доме держат. Тогда нам не повезло.

Несколько следующих окон тоже ничего не дали, оказавшись комнатами прислуги, забитой мешками кладовкой и небольшой библиотекой. Расстроенная безрезультатными поисками девушка, похоже, уже была согласна пойти на попятный, однако за очередным окном открылось кое-что непонятное и любопытное.

Из довольно обширной комнаты вынесли все вещи, оставив только массивный стол посередине. На столе, накрытый большим отрезом белой шелковой ткани, покоился длинный сверток, в котором угадывалось человеческое тело.

– Вот твой покойничек, – прошипел северянин. – Ну что, не передумала?

Ринга замотала головой, пристально вглядываясь в закрытый тканью труп, и попыталась забраться в комнату, тут же спрыгнув обратно и присев под окном.

– Кто-то пришел, – шепотом сообщила она. – Подождем, пока уйдет.

Судя по доносившимся разговорам, в комнату где находился труп вошел не один человек, а несколько. Время от времени раздавалось плаксивое хныканье женщины и утешающе-покровительственный голос мужчины. Иногда вмешивалась еще одна женщина, в тоне которой звучало нечто заискивающее.

«Жена или подружка Райнака, служанка и старый приятель, собирающийся загрести под себя все, что останется без присмотра, – предположил варвар. – Ну ладно, сейчас они смоятся, залезем мы, а что толку? Не надо было соглашаться идти сюда...»

Хлопнула дверь, Ринга немедленно высунулась, бросила один короткий взгляд внутрь дома и снова спряталась.

– Что там? – поинтересовался северянин. – Свалили?

– Остались две женщины, – шепотом доложила девушка, присаживаясь рядом. – Стоят возле стола, одна вроде плачет.

Из чистого любопытства Конан тоже осторожно заглянул в окно. Удивленно поднял бровь и толкнул устроившуюся на заросших травой камнях Рингу:

– Погляди-ка сюда, только тихо.

Женщины в комнате отнюдь не оплакивали усопшего. Они тихо, но отчетливо смеялись, предусмотрительно отой-

дя подальше от двери. Старшая – низенькая полная заморйка с начинавшими сесть темными волосами и черными, юркими глазками, и младшая, явно не здешняя уроженка – высокая, рыжеватая блондинка, похожая на проворную лисицу. Обе в трауре, но хихикают без всякого признака полагающейся печали.

– А рыженькая ничего, – безжалостно заметил киммерец, с удовольствием услышав рядом тихое разъяренное шипение. – Когти убери, между прочим.

– Варвар, – сердито проворчала Ринга, в самом прямом смысле выпустившая коготки. – Задущу. Когда-нибудь.

– Силенок не хватит, да и пропадешь без меня... Тихо!

Служанка подошла к двери и выглянула:

– Никого, госпожа Линдисса. Но они скоро вернутся.

– Пусть возвращаются, – равнодушно ответила рыжая красотка по имени Линдисса. – Я к тому времени буду безутешно рыдать.

Она не сдержалась и снова захихикала:

– Иштар Великая, наконец-то он подох! Кто бы это не сделал, я ему бесконечно благодарна... Хватит с меня мучений, подозрений и вечных сопровождающих!..

– Вот они, женщины, – вполголоса добавили за окном. – Не успел один помереть, как она уже мчится к другому!

– Чари, ты сегодня же сходишь... знаешь куда, – распорядилась тем временем госпожа Линдисса. – Скажешь, что я буду ждать вечером... если удастся удрать от них. Если не

приду вовремя – пусть подождет, я ж не гвардеец, чтобы бегать по приказу. Так, а теперь...

Ветреная красавица порылась в складках одежды и вытаскала крохотный флакончик. Недовольно скривилась, откупирила, вытряхнула на ладонь несколько капель содержимого и тщательно втерла в глаза. Спустя мгновение она уже захлебывалась безостановочно текущими слезами.

– Редкостная мерзость... – с трудом проговорила она. – Чари, пошли отсюда, сил моих нет...

Поддерживаемая верной служанкой рыдающая Линдисса покинула комнату. Двое за окном переглянулись и по очереди бесшумно перемахнули через подоконник.

Киммериец на всякий случай выглянул за дверь, убедившись, что овдовевшая подружка (или законная супруга) убралась достаточно далеко, а больше отдавать долг памяти усопшему никто пока не собирается. Ринга подошла поближе к столу и принялась:

– А покойник-то воняет.

Похоже, в комнате разлили целую бочку с благовониями, но стойкий приторный запах все равно оставался.

– Ну что, не раздумала? – осведомился северянин, обходя стол и осматривая тщательно закрытый труп.

– Нет, – вздохнула Ринга. – Идти, так до последнего.

– Тогда стой у двери и слушай.

Белый шелк, как выяснилось, был подвернут под края стола и приколотен мелкими гвоздиками. Пришлось их вытас-

кивать по одному с помощью кинжала. Затем освобожденный край покрывала аккуратно откинули в сторону, открыв тщательно обмотанное широкими белыми лентами тело.

«Интересно, сколько лет каторги в Заморе полагается за... Так, под осквернителей и грабителей могил мы не подходим – он еще не похоронен, – киммериец осторожно приподнял и надрезал ленту, закрывавшую лицо. – Труп мы не воровали, ничего от него не откромсали... А, все равно, поймают – мало не покажется. Значит, не должны поймать... Нет, кому же назначила свидание эта рыженькая?»

– Ринга, иди сюда.

Рабирийка послушно оставила свой пост у двери и приблизилась к столу. Остро отточенный кинжал с еле слышным треском разрезал последний слой шелка. Девушка издала еле слышный сдавленный звук, а привыкший ко всему наемник неожиданно почувствовал сильнейшее желание оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда.

– М-м-м, – выдавила Ринга. Ее и без того белая кожа приобрела слегка зеленоватый оттенок.

– В окно и без шума, – приказал варвар, подозревая, что сейчас может произойти. Но Ринга справилась, вцепившись в доски стола и с усилием несколько раз сглотнув.

– К-какая гадость, – наконец, выговорила она. – Что с ним сделали?

– Зашили, я так полагаю, – буркнул Конан. – Чтобы со-

всем не развалился. Налюбовалась?

– Дай кинжал, – попросила девушка. Получив оружие, наклонилась, и, стиснув клинок обеими руками – чтобы не дрожал – осторожно повернула голову покойника. Сначала на левый бок, затем на правый, внимательно осматривая уцелевшие участки кожи на шее. Она явно искала признаки чего-то, и, не найдя, перевела дух.

– Закрывай.

Вот эту просьбу киммериец выполнил с величайшим удовольствием. Ринга отошла подальше от стола, в задумчивости сплетая и расплетая пальцы, и ожидая, пока на столе все будет приведено в относительный порядок.

– Так что ты узнала? – поинтересовался северянин, пытаюсь вернуть вещам на столе первоначальное положение. Девушка помолчала, и неожиданно спросила:

– Скажи, когда люди клянутся именами своих богов, они соблюдают потом эти клятвы?

– Хм, – вопрос стоил того, чтобы немного подумать. – Порой нарушают. Хотя случается и так, что лучше выполнить обещанное, а то потом хлопот не оберешься. А что?..

– Я не человек, – продолжала Ринга. – Значит, на меня людские законы не распространяются, так? Но мне очень нужно дать клятву.

– Я тебе и так поверю, – хмыкнул Конан, прилаживая на место оборванный шелк.

– Это нужно мне! – упрямо повторила девушка. – Мне

самой! Иначе я не смогу убедиться в том, что вижу на самом деле то, что вижу. Мне надо сказать это вслух.

Она выглядела очень взволнованной и несколько испуганной. Не зрелищем вида покойного Райнака, а чем-то другим, более страшным.

– Ну поклянись, может, полегчает, – предложил киммерец. – А то у тебя вид, будто призрака увидела. И давай побыстрее.

Похоже, представления людей и гулей о том, что такое клятвы, в корне отличались. Гули Рабирийских гор, несмотря на все свои отталкивающие привычки, относились к таким вещам немного серьезнее. Или Ринга, прожившая большую часть жизни среди людей, стала исключением из правил, полагая, что в мире имеется что-то нерушимое. Проще было дать ей выговориться и выслушать, чем убеждать в том, что она глубоко заблуждается.

Девушка помедлила, собираясь с духом, и неторопливо, тщательно выговаривая каждое слово, произнесла:

– Ночью, хранившей меня, и двурогой луной, что освещает мой путь, я подтверждаю свои слова здесь, завтра и в следующих кругах моей жизни. Никто из моего народа не делал этого.

Она глубоко вздохнула и облегченно добавила:

– Ну вот, сказала. В самом деле полегчало.

– Кажется, и так было ясно, что гули здесь не при чем, – проворчал северянин.

– Нет, не ясно, – упрямо перебила Ринга. – Ты ведь тоже не верил, что в городе есть гуль, пока не наткнулся на меня. Теперь веришь.

– Верю тому, что вижу.

– Я боялась, что это совершил одержимый луной, – задумчиво сказала девушка. – Но здесь совершенно другое.

– Какая нам теперь разница, что? – не понял варвар. – Незвестный убийца отправил местного задаваку на тот свет, твои сородичи здесь не при чем. Какого Нергала тебе еще надо?

– Когда убили этих двоих людей, что сразу подумали в городе? – поинтересовалась Ринга и сама ответила: – Что это сделали гули. Почему? От здешних краев до Рабиров не просто далеко, а очень далеко, и все же все в один голос твердят – виноваты гули. В представлении людей мы обязательно рвем добычу на куски, а это напрочь не так... Скажи, вот ты всю жизнь сражаешься – что у вас считается более правильным: убить человека с одного удара или с нескольких?

– Тебе бы с Мораддином об этом потолковать, у него тоже все мысли об искусстве убийства, – попробовал отшутиться Конан, но девушка терпеливо ждала ответа: – Конечно, с одного, потом добивать не надо!

– У нас тоже самое. Ни один уважающий себя гуль не станет убивать человека таким способом, – невесело сказала Ринга. – Существуют правила, по которым следует это делать, и они не нарушаются... Тебя не обижает, что я говорю

о людях, как о добыче?

– Вроде нет... Ну ты продолжай, продолжай. Дальше что?

– Да то, что кто-то из людей пытается изобразить действия гуля! Так, как нас представляют по страшным сказкам! – резко завершила свою мысль рабирийка. – Я никогда не встречала подобного! Я сейчас пыталась найти отметины от зубов – таких, как у меня и в том месте, где им полагается быть – их нет! Но рвали человека на куски когтями – когтями гуля! Вот такими, а то и покрупнее, – Ринга, вытянув руку, снова продемонстрировала свой жутковатый арсенал. – Я ничего не понимаю, а ты?

ГЛАВА ПЯТАЯ

– А мне, честно говоря, наплевать, – после краткого раздумья ответил Конан. – Нас это не касается. В тихих городках вечно происходит мышиная возня. Мне совершенно не хочется влезать в местное болото и выяснять, что к чему. Вдобавок, мне никто за это не заплатит... Если кому-то угодно изображать из себя гуля – его дело.

– Да, конечно, – печально сказала Ринга. – Все верно. Плохо только одно: единственный гуль здесь я. И отвечать в случае чего придется мне. За убийства, которых я не совершала.

– Брось. Для начала требуется тебя поймать, а это довольно хлопотное и тяжелое занятие, – беспечно отмахнулся киммерец. – Пошли отсюда.

– Как думаешь, никто не заметит, что мы тут похозяйничали? – девушка придирчиво осмотрела укрытое белым шелком тело, расправила получившиеся кое-где складки и вроде осталась довольна. Хотя часть заново вбитых гвоздей держалась на одном честном слове – рукоять кинжала совершенно не предназначена для подобного рода работ.

– Пусть даже заметят, разве придет в их тупые головы мысль, что кто-то заявлялся поглазеть на покойника? – спросил вместо ответа варвар. – Конечно, нет!

– Вы оба так в этом уверены? – язвительно спросил чей-то голос, заставив северянина по привычке потянуться за

мечом, а Рингу – метнуться к спасительному окну. Варвар клял себя последними словами за недогадливость – отчего он вдруг решил, что в комнате всего одна дверь?

Дверей и в самом деле оказалось две. Вторая, замаскированная под декоративную колонну на стене, оставалась незамеченной до тех пор, пока ее не открыли.

– Я так и знал, что ты непременно объявишься, моя красавица! – насмешливо заявил стоявший в дверном проеме человек, обращаясь к замершей на месте Ринге. – Ну разве хорошо так поступать, а, Рата? Вот и я говорю, что нехорошо...

Девушка не двинулась с места и ничего не ответила, но киммериец уже ухватил суть происходящего. Незнакомец называл рабирийку Ратой, значит...

– Ринга, это твой хозяин? – вполголоса окликнул девушку Конан. Та испуганно вздрогнула и кивнула:

– Мой бывший хозяин, – эти слова она выделила голосом. – Почтенный месьор Эридат.

– Вот значит как? Бывший, – нарочито обиженно возмутился замориец. – Ох уж эти женщины! И когда только успела...

– Попридержи язык, – посоветовал северянин кипевшему праведным негодованием месьору Эридату. – А лучше вовсе заткнись.

Замориец – человек средних лет, невысокий и довольно грузный для своих лет, с ироничным взглядом выпуклых

черных глаз – сделал вид, что только сейчас заметил присутствие варвара.

– Надо понимать, именно этому господину ушло мое золото, – понимающе протянул он. – Ах, Рата, Рата... Ну хорошо, признаю, что немного перегнул палку, но зачем же было грабить? Молодой человек, – Эридат обернулся к северянину. – Ты хоть представляешь, с кем связался?

– Отлично представляю, – невозмутимо отозвался Конан, прикидывая, сможет ли он скрутить говорливого заморийца без особого шума.

– Значит, представляешь... – повторил Эридат. – Тем лучше. Я полагаю, ты собираешься свернуть мне шею и незаметно уйти отсюда?

– Вот именно, – подтвердил киммериец, оглянувшись на Рингу. Девушка по-прежнему молчала, косясь на окно. – Да еще и ее прихватить с собой.

– Не выйдет, – с сожалением покачал головой почтенный месьор. – Понимаете, я подозревал, что моя красавица пожалует сюда, и приготовил вполне достойную встречу. Признаться, я не рассчитывал, что с ней прибудет такое подкрепление, но...

– Значит, у вас появится несколько трупов вместо одного, – безмятежно заявил северянин. – А мы все равно уйдем.

– Возможно... – задумчиво протянул Эридат. – И даже очень возможно... – он пожевал губами, что-то прикидывая в уме, поколебался и принял решение: – Скоро сюда заявит-

ся толпа опечаленных родственников, а нам стоит немного потолковать без лишних свидетелей. Идите за мной.

Он повернулся и исчез в двери, ни капли не сомневаясь, что незваные гости послушно последуют за ним. Конан и Ринга переглянулись.

– Влипли, – тоскливо вздохнула рабирийка. – По уши и выше. Может, удерем?

– Если он на самом деле поджидал тебя, то вряд ли нас отсюда выпустят, – мрачно ответил варвар. – Конечно, я могу устроить им взбучку, которую никто не забудет до конца жизни, но что толку?..

– Слушай, что он за человек? Ему можно верить хоть в чем-нибудь?

– Не знаю, – подумав, отозвалась девушка. – Я не поверю ни одному его слову, пусть он даже призовет в свидетели всех людских богов.

– Обрадовала, называется... – проворчал киммериец, ныряя в низенькую потайную дверь. Ринга держалась на шаг позади, настороженно оглядываясь по сторонам.

За створками маленькой двери тянулся длинный извилистый коридор. Знакомый с подобными строительными ухищрениями еще по Шадизару северянин предположил, что ход проложен внутри толстых стен дома. Через каждые несколько шагов встречались отверстия – большие и поменьше, через которые падал свет и можно было слышать и видеть все, происходящее в комнатах.

Миновал несколько плотно закрытых дверей, варвар и его спутница попали в крохотную комнатку, забитую старой, сваленной как попало мебелью. Почтенный месьор Эридат восседал в одном из наиболее хорошо сохранившихся кресел, два других, похуже, стояли чуть поодаль.

– А я уж решил, вы сбежали, – хмыкнул замориец, когда его гости поневоле осторожно зашли в комнату. – Ну что же, пока у нас имеется немного времени до начала церемонии похорон, давайте побеседуем. Судя по всему, твой друг, Рата, не собирается возвращать награбленное? А я много лет трудился, чтобы собрать эти деньги, между прочим... Кстати, откуда он взялся? И как ты успела с ним познакомиться?

– Из Турана я взялся, – буркнул северянин, решив, что чем меньше будет о нем известно, тем лучше. К прочему, он в самом деле прибыл в Дэлирам прямым из Султанапура, а никто не станет спорить, что Султанапур является городом Туранской империи. – Меня зовут Конан. Я наемник.

– Я так и подумал, – кивнул Эридат. – Похоже, это твое основное ремесло? Кроме воровства, конечно? И расставаться с милейшей Ратой ты в ближайшее время не собираешься? Что ж, понимаю. У нее много других достоинств, помимо...

– Ты, кажется, собирался о чем-то поговорить, – перебил разошедшегося заморийца варвар, краем уха услышав тихое шипение – Ринга явно справилась с душевным потрясением, вызванным неожиданной встречей со своим владельцем, и начинала злиться.

– Ах, да, – согласился месьюр Эридат. – Так бишь о чем я? О ловушке, в которую угодили две птички вместо одной. Я слышал ваш разговор и должен признать, что вы оба совершенно правы. Большинство обитателей нашего городка убеждены в причастности к обоим недавним смертям некоего опасного существа не совсем человеческого происхождения. Назовем его для простоты гулем. Гуль в нашем распоряжении только один – тихая и скромная девушка Рата. Будет очень жаль, если именно ей и придется расплачиваться за все произошедшее.

Замориец сделал паузу и оглядел своих собеседников. Решив, что они вполне уловили течение его мыслей, продолжил:

– Похоже, вам, молодой человек, это совсем не по душе?

– Нет, я просто счастлив, – огрызнулся Конан. – Ну и дальше?..

– Я предлагаю небольшую, зато устраивающую всех сделку, – торжественно сказал Эридат. – Мое слово достаточно много значит в этом городе, и я могу избавить вас от постоянного преследования. Вы собирались задержаться на какое-то время в Дэлираме?

– Да, – отозвался киммериец, – я хотел уехать через пару дней.

– Просто замечательно! – достойный месьюр стукнул ладонью по ручке кресла, подняв небольшое облачко пыли. – Как раз то, что надо. Вот в чем суть моего предложения. Кое-

кому стало известно о моем весьма необычном приобретении и о его бегстве. Как я уже говорил, подозрение в первую очередь на ней... хотя очевидно, насколько оно нелепо. Однако градоначальник и имеющиеся у нас военные чины обязаны принять меры по розыску преступников, и не сомневайтесь, они их примут. Я могу направить их поиски в другом направлении, а то и вовсе убедить не придавать особого значения этому делу, но за это...

Он замолчал, в задумчивости побарабанил пальцами по ладони другой руки, и, наконец, решительно высказал свое условие:

– За это господин наемник отправит кое-кого к Нергалу. Так, кажется, у вас принято говорить?

– Нет! – резко бросила молчавшая до того Ринга. – Не соглашайся!

– погоди, – остановил ее киммериец. – Кого и когда?

– Его имя тебе знать не обязательно. Он мне мешает и этого достаточно, – мягко, но непреклонно ответил Эридат. – Я покажу этого человека и укажу места, где можно его встретить. Будет лучше, если это произойдет как можно скорее. Скажем, сегодня вечером или ночью. Каким способом ты это сделаешь – неважно. Сообщать о исходе дела тоже не стоит, я узнаю сам. После выполнения можете жить спокойно, однако постарайтесь не показываться лишний раз на улицах и по возможности побыстрее покиньте город. У вас есть лошади? Нет? Я так и подумал. Подвернется случай – попытаюсь

раздобыть для вас парочку, хотя это будет довольно трудно. У нас в городе, к сожалению, их почти не держат. Кстати, я даже не возражаю, чтобы вы оставили себе золото. Идет?

«С нынешнего дня никогда не возьму в руки кости! – клятвенно пообещал северянин. – Вот до чего дошло – за-вербовали в наемные убийцы! Мораддин узнает – помрет со смеху... Согласиться? Или не стоит? Не соглашусь – у этого выкорыша Сета наверняка припрятан неподалеку десяток-другой головорезов. Я-то прорвусь, но Ринга? Надо будет как-то тащить ее за собой, а кто поручится, что ее не прикончат? Так, по чистой случайности?»

– А если я сейчас прихвачу тебя с собой, вместо щита, и пойду прочь? – негромко и почти равнодушно поинтересовался Конан. – Что тогда?

– Вас выпустят из дома, – спокойно отозвался месьюр Эридат. – Но далеко вы все равно не уйдете. Женщина проживет немного дольше, пока не сообщит, где спрятаны деньги. Что с ней будет потом – не знаю. Но могу с определенной уверенностью предполагать, что ничего хорошего ее не ждет.

– Ублюдок, – очень искренне высказал свое мнение северянин, прибавив пару слов на языке, которого никто из присутствующих не понял. – Ладно, я согласен. Но ответ сперва на пару вопросов: кто убил эту парочку – Райнака и туранца? Почему ты поджидал здесь Рату?

– Ответ на первый вопрос – понятия не имею, – с готовностью проговорил замориец. – С караванщиком... как

его? Маридом я в жизни не сталкивался. Покойный господин Райнак был моим... скажем так, деловым компаньоном, но я не представляю, кому понадобилась его смерть. Я бы предпочел видеть его живым – у месьора Райнака был весьма изобретательный и острый ум, и наше дело многое потеряет с его гибелью. Видимо, кто-то решил свести с ним счеты – Райнак умудрился насолить слишком многим, в том числе и господам из Шадизара. Слышали об этом городе? Тогда и объяснять не надо. Что до очаровательной Раты, – Эридат посмотрел на сжавшуюся в слишком большом для нее кресле девушку. – Я предполагал, что как только возникнет слух о гулях, она немедля примчится проверить его истинность. Разумеется, никаких гулей, кроме нее, в Дэлираме нет и никогда в жизни не было.

– А кто его распустил, этот слух? – проворчал киммериец. – Не ты ли сам?

– Может, и я, – хмыкнул почтенный месьор. – Значит, мы договорились? Пойдем, взглянешь на будущую добычу.

Замориец тяжело поднялся с кресла и вперевалочку заковылял по петляющему узкому коридору, время от времени заглядывая в проделанные в стене отверстия.

– Вот он, – месьор Эридат остановился и поманил поближе следовавших за ним варвара и девушку. – При жизни они с Райнаком готовы были загрызть друг друга, но на похороны он все же пришел.

Нетерпеливо расхаживавший по комнате человек, по мне-

нию киммерийца ничем не отличался от сотен других жителей Дэлирама. Разве что держался несколько надменно и ростом был повыше, чем обычный замориец.

Такой вот простой и незамысловатый выбор – жизнь незнакомца в обмен на жизнь женщины-гуля. Проще некуда.

– Скоро начнутся похороны, – понизив голос, сообщил Эридат. – Потом состоится поминальная трапеза для родственников и друзей. Он на нее вряд ли останется. А даже если рискнет задержаться – засидится ненадолго, друзей у него здесь мало. Ищи его ближе к вечеру возле заведения Мамаши Циль. Он там порой ошивается ночи напролет.

Несмотря на всю серьезность момента, северянин фыркнул, расслышав в тоне почтеннейшего месьора тщательно скрываемую зависть, и мысленно одобрил выбор незнакомца. Дом утех Мамаши Циль, находящийся почти в центре городка, был лучшим из двух имеющихся, хотя и не шел ни в какое сравнение с заведениями подобного рода в Султанапуре.

– Запомнил? – осведомился замориец. Дождавшись ответного кивка, двинулся дальше по коридору, бросив через плечо: – Пошли, выведу вас из дома, а то еще попадетесь на глаза, кому не надо.

Еле державшаяся на петлях дверь постоянного двора гулко хнула, захлопываясь за вошедшими. Барракс, вытиравший и без того чистые кружки, поднял голову и скорбно вздохнул. Его надежда в очередной раз не сбылась – невыносимый постоялец, северный наемник, вернулся. Да вдобавок не один, приведя с собой маленькую черноволосую женщину. То ли успел где-то обзавестись подружкой, то ли встретил знакомую. Хотя какие могут быть у этого варвара знакомые?..

Северянин и женщина выглядели донельзя чем-то удрученными. Они не поднялись наверх, как втайне ожидал хозяин «Подковы», а уселись за одним из пустовавших столов. Поколебавшись, Барракс решил, что все ж таки не стоит забывать о собственной выгоде, и, выбравшись из-за загроможденного мытой посудой стола, подошел к странно притихшей парочке. Наемник насвистывал что-то мрачно-вызывающее, девушка сидела, опустив голову и углубившись в разглядывание сучков и разноцветных разводов от пролитого вина на досках стола.

– Почтеннейшим господам что-нибудь угодно? – не совсем уверенным голосом осведомился хозяин.

– Выпить, – буркнул наемник, прекратив свистеть. – И побольше.

– Мне тоже, – угрюмо попросила девушка. – «Змейку», если есть.

Барракс мысленно покрутил пальцем у виска, услышав требование девушки, но, после здравого размышления, решил – раз ей охота употреблять эдакую гадость, то дело ее. Расставив на столе кувшины, хозяин, шаркая ногами по полу, ушел на кухню – подальше от возможных неприятностей. Он уже слышал об утренней стычке своего неугомонного постояльца с немедийскими гвардейцами. Кто знает, может вот сейчас в тихую гостиницу ворвется кто-нибудь, жаждущий немедленно выяснить с варваром отношения. Где он раздобыл эту девицу со столь странными вкусами? Явно ведь не местная... Может, у Мамаши Циль выпросил на время? Хотя она своих красоток за порог не отпускает, да и непохожа молчаливая незнакомка с закрытым на туранский манер лицом на размалеванных Мамашиных вертихвосток...

Конан не без основания считал себя знатоком вин, и теперь с некоторым удивлением наблюдал за Рингой, с мрачным упорством осушавшей свою кружку. По мнению варвара, черная и приторно-кислая «Змейка» была не более чем пойлом для свиней, для виду подкрашенным виноградным соком, и служила единственной цели – опьянеть как можно быстрее. Похоже, рабирийка добивалась именно этого. Она влила в себя уже половину объемистой кружки, когда северянин не выдержал и отобрал у нее сосуд:

– Перестань травиться, не поможет.

Девушка не произнесла ни единого слова с тех пор, как они покинули дом покойного Райнака и вернулись на постоянный двор, за исключением требования к хозяину. И сейчас она покорно отдала кружку, сложила руки на столе и пристроила на них голову, отсутствующим взглядом уставившись в маленькое узкое окно.

– Так и будем молчать? – поинтересовался киммериец, к которому мало-помалу возвращалось привычное, чуть легкомысленное и ироничное отношение к миру.

– Это я во всем виновата, – глухо сказала Ринга. – Почему ты не позволил мне вернуться?

– Куда, в объятия к месьору Эридату? – хмыкнул Конан. – Слушай, если мы начнем искать виноватого, то провозимся до конца света. Ты подбила меня пойти посмотреть на покойника, я до того проигрался и залез в дом твоего хозяина... Ну и что, в конце концов?

– Это плохо кончится, – стояла на своем девушка. – Не ходи никуда. Ничего он нам не сделает.

– Твой владелец сказал, что у тебя много достоинств, но насчет дара пророчицы ничего не упомянул, – язвительно заметил киммериец. Ринга не обратила внимания на его подначку, настойчиво повторив: «Не ходи.»

– Я могу и не пойти, – негромко, точно рассуждая вслух, проговорил северянин. – Почтенный месьор наутро узнает, что мешающий ему человек все еще жив. Допустим, он пришлет своих людей или явится сам – узнать, почему я не вы-

полнил обещание. Я сумею чего-нибудь соврать. Скажем, что тот человек был не один или просто не подвернулось удачного момента...

– Как он узнает, где мы живем? – перебила девушка. Варвар изумленно поднял бровь:

– Ты полагаешь, ему это до сих пор неизвестно? Это же маленький городок, чтоб ему провалиться, и здесь все знают всех. Так вот, если Эридат поверит моим рассказам и согласится потерпеть еще немного, мы дождемся базарного дня, попробуем купить лошадей да сбежать. Это при наилучшем стечении обстоятельств.

– А при наихудшем? – тоскливо спросила Ринга. Выпитая «Змейка» начинала действовать, и окружающая действительность приобрела для девушки непроглядный траурный оттенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.